

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЮБИЛЕИ ЛЕРМОНТОВА

Культурное развитие русского народа в прошлом не было однородным: «Есть великорусская культура Пушкин-Гоголь, Гюльчовы и Струве, — писал Ленин, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова» (том XVII, стр. 143).

Проявления культуры, выросшей на почве защиты народных интересов, всемерно преследовались царским правительством, и тем не менее в истории русского народа культура, в той или иной форме связанная с потребностями, интересами и идеалами самого народа, была неизменно богаче и ярче, чем «культура» прямых защитников гнета и эксплуатации.

Обстоятельство это очень ярко иллюстрирует жизнь и творчество гениального поэта Лермонтова, 125 лет со дня рождения которого исполняется 15 октября. Лермонтов в русской художественной литературе, подобно Гюльчу в публицистике, составляет промежуточное звено между дворянскими революционерами-декабристами и революционерами-демократами последующих поколений. Лермонтов помог Великому и Чернышевскому сформироваться в пионеров и вождей революционной демократии в России.

— Беседы с Лермонтовым, — рассказывает П. В. Анненков, — его творчество «забрало в душу Великого первые семена того позднейшего учения, которое признавало, что время чистой лирической поэзии, священных наставлений, образных, психологических откровений и фантазий творчества миновало и что единственная поэзия, свойственная нашему веку, есть та, которая отражает его неравномерное, его духовные немощи, плачевное состояние его совести и духа. Лермонтов был первым человеком на Руси, который навел Белинского на это соображение...»

«Они наши спасители, эти писатели как Лермонтов и Гоголь», — записывал Чернышевский в своем юношеском дневнике. И в самом деле, Лермонтов своим творчеством по-своему разрешал те же задачи, что и Гоголь, задачи критического освещения самодержавной и крепостнической действительности. Поэтому Чернышевский справедливо считал основателем «натуральной школы» не только Гоголя, но и Лермонтова.

Все бесконечно разнообразное творчество Лермонтова, которому одинаково остро было изображение необычайно тонких лирических движений души, сложнейших философских раздумий, мощных социальных движений и гражданской сатиры, выросло на определенной политической основе.

Политическое мировоззрение Лермонтова сложилось под совместным влиянием декабристских традиций и московской студенческой среды 30-х годов. Лермонтов учился в Московском университете одновременно с Герценом, Огаревым и Белинским. Он был активным участником скандальной переломки студенчества его времени. Соответствующие страницы «Былого и дум» Герцена являются превосходным комментарием к творчеству Лермонтова начала 30-х годов и позднейшего периода. Юношеская драма Белинского «Дмитрий Батинин» и юношеские драмы Лермонтова пронизаны одним духом, одним философским, логическим политическим протестом против самодержавия и борьбы за социальное равенство, против крепостного права.

В стихотворениях начала 30-х годов Лермонтов предвосхищает победу революции в России, «когда царей короны упадут». Он восторженно приветствовал революцию 1830 года в Париже:

И зарделся страшный бой;
И знамя волнится как дым
Цдет пред горюю толпой.

В 1832 году Лермонтов переживает идейный кризис, из которого его протестующее свободомыслие мировоззрение вышло укрепившимся и углубившимся. Самые лучшие стихи позднейшего творчества Лермонтова были направлены против современного ему поколения, потерявшего гражданские доблести, поколения, безвольно сложившего голову под ярмом самодержавия. Так родилась его знаменитая «Ду-

ма», в которой и Герцен и Белинский справедливо слышали призыв к борьбе. Известно, что в 1837 году Лермонтов грозил убийцам Пушкина народной расправой.

Из политически отрицательного отношения Лермонтова к самодержавию, к николаевской действительности, вырос его могучий, несгибаемый патриотизм русского, отразившийся в «Родина», в «Бородино» и многих, многих других его произведениях.

«Лермонтов, — писал Добролюбов, — ...умевший рано постичь недостатки современного общества, умевший понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служат его удивительные стихотворения «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно... Полнейшего выражения чистой любви к народу, гуманнейшего взгляда на его жизнь нельзя и требовать от русского поэта».

Вот эту важнейшую сторону в творчестве великого русского поэта старое, косовское литературоведение замалчивало. Протесту Лермонтова придавался космический, нравственный, узко-индивидуалистический характер, лишь бы скрыть его политическую основу. Была создана легенда о том, что Лермонтов под конец своей жизни стал склоняться к славянофильству. Лермонтова хотели вырвать из основного потока русской культуры и русской литературы и связать его имя с реакционными течениями.

Только при советской власти стало возможным полностью объяснить творчество Лермонтова. Лермонтов, наряду с Некрасовым, является величайшим русским политическим поэтом XIX века. Политическая поэзия является сознательным устремлением творчества Лермонтова. Отголоски «Гражданина» Рылея слышны в «Поэте» Лермонтова. Рылея громи «изнеженный плем», — Лермонтов бичевал «век изнеженный». Вероятно, образ Рылея и образ Пушкина — автора многочисленных революционных стихотворений — носился в думах Лермонтова, когда он писал:

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы...

И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол, на башне вешевой
Во дни торжеств и бед народных.

Творчество Лермонтова звучало так же, как колокол, воспевающий битвы для революционных битв. И в этом один из величайших уроков жизни и творчества Лермонтова для современности. Только тот поэт может создать великие произведения в самых различных жанрах и на самую различную тематику, чье мировоззрение пронизано органически и прочно передовыми политическими идеями современности.

Празднование юбилея Лермонтова является проявлением великого культурного подъема, переживаемого счастливыми и свободными советскими республиками под руководством великой партии Ленина — Сталина. Память великого русского поэта торжественно отмечают все народы СССР. Произведения его переводятся на украинский, белорусский, грузинский, армянский, азербайджанский, туркменский, казахский и многие, многие другие языки нашей родины.

Культурный праздник, посвященный Лермонтову, станет в ряду культурных праздников, посвященных поэтам и поэтическим произведениям других народов СССР: Шевченко, Руставели, Низами, Навои, армянскому эпосу «Давид Сасунский» и т. д.

В этой переключке великих имен с наглядной убедительностью обнаруживается братская дружба народов Советского Союза и их великая культурная миссия. Наши братья, освобожденным доблестной Красной Армией от панского гнета в Западной Украине и Западной Белоруссии, мы открываем широчайший доступ ко всем культурным богатствам современности и культурного наследия прошлого.

ВОСХОД СОЛНЦА

В. ШКЛОВСКИЙ

Золотена, засыпана иконами. Иконы не только на эконостасе, но и над ним в раззолоченной арке.

Служба начинается звоном. Открываются парные врата. Стриженный поп в золотой рясе зажигает александрийские свечи, выходят читать евангелие.

Женщины в черных и белых платках, старики с клюками входят в церковь и тяжело опускаются на колени.

Ничего не дал им бог за их долгую старую жизнь, кроме больших ног, а они все молятся и бормочут благодарности.

Религия в Западной Украине очень большая сила, и разяснять верующим их ошибки надо терпеливо, но настойчиво. Идем дальше.

Входим в еврейскую часть города. Видим маленькие домишки, полуразрушенную мостовую, мощеную крупным камнем.

Недалеко от Серела стоит тяжелая ограда с каменными, двухметровыми стенами. Синагога старая. Ей лет 300. Над входом лев, расписанный черным лаком. Вход в синагогу внизу. С потолка свисают старые медные листы, на которых религия, угощаящая влады, если власть ей покровительствует, прилепала одноглазых польских орлов. Те же дубовые скамьи, как в костеле, и на первых местах также сидят люди, которые богаче и знатнее. Старинное серебро, иссекающая парча. Пышная бедность царит в синагоге.

С нами вошел в синагогу старик. Он зарабатывает в день три злотых и может учить из своих детей только одну дочку. Ее обучение стоит третья часть заработка. Он принадлежал когда-то к еврейской меншиновской партии бундовцев и сфотографировался в группе кустарей, поставив перед собой портрет Карла Маркса. Но в казарне у него ермолка, и он надеет ее, входя в синагогу.

ИХ СТАВКА БИТА!

В. ИЛЬЕНКОВ

несмотря на свою малочисленность, не складывала оружия и вела неустанную борьбу за улучшение экономического и политического положения трудящихся. Во время майской демонстрации прошлого года на планду Батория произошла кровавая схватка между рабочими и агентами буржуазии.

Пытаясь обезглавить революционное движение, буржуазия заточила в тюрьмы на десятилетия лучших сынов белорусского народа. Она лишила рабочих элементарных легальных возможностей.

И вдруг гнилое здание польского государства затрещало сверху донизу. Построенное на фундаменте насилия и порабощения трудящихся, на безжалостной эксплуатации пролетариата, оно распалось в песочные прах.

К 17 сентября 1939 года город оказался без власти — чиновники бежали. Тогда на сцену появился «спаситель» в лице заместителя городского головы Савинского, пелесовского ставленника. Он начал сколачивать белогвардейские отряды, а так как головорезов не хватало, — вынул из тюрьмы уголовников и вооружил их.

18 сентября рабочие, собравшись на планду Батория, направились к тюрьме и освободили свыше двухсот политзаключенных. Освобожденные и рабочие начали вооружаться, собирая винтовки, брошенные польскими солдатами, которые отказались воевать. Восставшие захватили на улице Дельна автомобиль с оружием, предназначенным для белогвардейцев, и направились к центральному улице города.

В это время на улице Ожешкова заступил пулемет. Это стрелял по толпе рабочих сын богатых-полюховика Шманский. Белогвардейцы и полицаи бросились на рабочих с оружием. Восставшие выжужжены были отступили. Начались аресты. К вечеру тюрьма снова была набита до отказа. Буржуазия торжествовала свою победу.

ЗАЩИТНИКИ

А. ИСБАХ

боец должен сейчас быть политруком, — улыбаясь заметил Ленков.

Вот покачивается на своем коне младший политрук Гаргопа, совсем молодой человек, но очень старый комсомолец, шахтер. Его эскадрон было дано особо ответственное задание — разведать места сосредоточения банд в окружающих Вильню лесах. Кавалеристы насквозь прочесали леса, тщательно выполняя опасное поручение.

В походе политрук проводил беседы с бойцами, отвечал на их многочисленные вопросы, читал сообщения из газет.

Вот рядом с Гаргопой едет младший лейтенант Тарасов, комсомолец, недавно подавший заявление в партию. Бойцы его зовут Вандерлан, Шумев, младший командир Гуляничков, Цыганков проявили особую выносливость в походе. Им не пришлось вполтнуть, лицом к лицу схватиться с врагом. Но стремительный бой, постоянная опасность, обстрел из окружающих лесов закаляли и укрепляли их волю. В разведке они показали себя опытными, инициативными бойцами.

В синагоге надо сидеть, накрывши голову, как в костеле, а в первом надо быть непременно без шляпки. У разных ботов разное представление о важности.

Равнин в длинном шелковом сортуке с пейсами в колотках. Молодежь не так уже сильно верит. Ей кажется смешным носить ермолку, и молодые люди сидят в шляпках, надеты сетку для волос. Такие сетки наделывают на ночь, чтобы хорошо легли волосы. Религия приспособляется, прирабатывается, маскируется. Это хитрый, хитрый враг, замечательно изучивший местность.

Православные, католики, евреи, немцы, евангелисты. Четыре религии владеют многими душами в стране, которую мы освобождаем.

При помощи этих религий одним трудящимся натравливали на других, и память о старых обихах делала религиозное чувство еще более пламенным.

Около памятника Мишкевича на митинге первый раз пали «Интернационал» сразу на четырех языках.

Люди еще не знали все слова великого гимна и далеко не все в нем понимали. Отдельные строфы пелись всеми, иногда пение затихало, вылезало только несколько голосов. Но пали украинцы, поляки, русские, евреи одну песню. «Интернационал», смелый так, звучал с новой силой.

Один русский поэт говорил, что никто так хорошо не выполняет приказа, как солдат, если ему приказано утром встать с востока. Мы боремся во имя правды, хотим добра для трудящихся. Приход коммунизма исторически неизбежен, как восход солнца. Мы помогаем истории, и весь ее ход за нас.

Как бы ни были ерени стены синагоги, церкви, костела, пение «Интернационала» перекроет любой орган и голос кантора.

Тарнополь.

ПИСАТЕЛИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНОМ УЧАСТКЕ

Партийная организация Ленинградского отделения союза советских писателей — годовая парторганизация 44-го избирательного участка. В активном участии в предвыборной кампании и проведении выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР, помимо коммунистов, мы привлечем и многих беспартийных писателей. Участковую избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР возглавляли беспартийные писатели Л. Раковский и Л. Борисов, а во время выборов в Верховный Совет РСФСР заместителем председателя участковой избирательной комиссии был беспартийный литератор В. Орлов. Очень велика была на нашем участке роль писателей в предвыборной агитации. Правление Дома им. Маяковского и отдельные поэты, прозаики, драматурги проделали здесь большую работу, не случайно наш 44-й участок был признан одним из лучших в Лезержанском избирательном округе.

Тотчас же после выборов в Верховный Совет РСФСР писательская парторганизация решила закрепить достигнутые успехи. Было важно не потерять налаженную связь с избирателями, не растерять актив избирателей, еще более сплотить и укрепить его. В известной мере нам это удалось, продолжая массовую политическую работу среди населения участка. Все это время в Доме писателя регулярно устраивались вечера для избирателей бывшего 44-го участка. (Интересно пропал встреча с Николаем Тихоновым, метер драматургов и т. д.). Кроме того наши агитаторы проводили беседы в крпных уголках, на квартирах. И хотя в летние месяцы из-за обычного разезда писателей работа все же несколько упала, но сейчас, когда снова развернулась подготовка к выборам в местные Советы трудящихся, мы приступаем к ней, опираясь на помощь довольно широкого актива писателей и населения бывшего 44-го избирательного участка.

Однадцать писателей-агитаторов встретились уже с избирателями. Среди агитаторов — В. Кетинская, Лев Каткович, Е. Добин, М. Чумандри, молодой литератор Я. Мерзон и др. Все они провели уже беседы о предстоящих выборах, создали одиннадцать кружков по изучению избирательного закона. Как известно, выборы в местные Советы депутатов трудящихся, по сравнению с предыдущими избирательными кампаниями, будут более сложными. Во все местные Советы, например, депутаты будут избираться одновременно. Избирательный закон устанавливает образование отдельных избирательных округов по выборам в каждый Совет при общем избирательном участке. Каждый избиратель в один день и в одном месте будет голосовать за нескольких депутатов.

Разяснение и изучение Положения о выборах — чрезвычайно важное дело. По разумеется, писатели-агитаторы не ограничивают себя, только такой задачей. Они проводят с избирателями беседы на политические темы, отвечают на множество вопросов... Необычайно оживленно, с огромным подъемом прошли чистки речи по радио председателя СНК СССР тов. В. М. Молотова о решении советского правительства помочь братским народам Западной Украины и Западной Белоруссии. Писатели-агитаторы рассказывают о величайшем энтузиазме, с которым было встречено в каждом доме, в каждой квартире известие о благоприятном решении правительства Страны Советов.

Работа развертывается. Конечно, она выйдет за границы бывшего 44-го участка Лезержанского избирательного округа. Лучшие писатели будут работать и в окружающих городах Ленинна, а значительная часть писателей примет участие в предвыборной работе стихами, рассказами, эстрадными произведениями. Избирательная кампания во время выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР была для ряда литераторов отличной школой массовой политической работы. Такой же школой большинства агитации, организационной и политической работы станет и кампания по выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Писатели будут добиваться новых побед сталинского блока коммунистов и беспартийных, избрания в Советы лучших сынов и дочерей советского народа, до конца преданных великому делу Ленина — Сталина.

Петр КАПИЦА.

Секретарь партбюро Ленинградского отделения союза советских писателей.

КНИГИ О ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ

Издательство «Молодая гвардия» выпускает сборник «Братьям-украинцам и братьям-белоруссам», в который войдут стихотворения русских, белорусских и украинских поэтов, посвященные освобождению белорусов и украинцев от польского гнета.

На-днях выйдет из печати исторический очерк Осипова «На берегу Днепра» — о борьбе в XVI веке украинцев против поляков, о движении за присоединение Украины к московскому государству.

Издается брошюра Ю. Дашкевича «Единорожные братья» — о том, как жила молодежь Польши, и о внутренних причинах распада польского государства.

На заседании лермонтовского комитета ССП

Через десять дней Советский Союз будет праздновать 125-летие со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

На Украине, в Грузии, в Белоруссии, в городах Энгельс (Республика немцев Поволжья), Поникар-Ола (Марийская АССР) Ижевске (Удмуртия), Новосибирске образованы юбилейные комитеты. 15 октября повсеместно в столицах и городах братских республик устраиваются торжественные заседания и вечера памяти Лермонтова.

По неполным сведениям лермонтовского комитета образования Лермонтова переводятся на казахский, калмыцкий, марийский, удмуртский, венский, армянский, грузинский, белорусский, украинский, чувашский языки.

15 октября в Колонном зале Дома союзов состоится торжественный вечер, посвященный 125-летию со дня рождения Лермонтова. Вечер откроет Н. Асеев. После вступительного слова Алексея Толстого В. Кирпотин сделает доклад о жизни и творчестве Лермонтова. Программа концер-

та состоит из чтения произведений поэта и исполнения музыкальных произведений на его тексты.

Торжественное заседание, посвященное Лермонтову, устраивает 7 октября ИФЛИ. Профессор А. Егоров делает вступительное слово на тему «Лермонтов — поэт борьбы». С докладом «Лермонтов и Пушкин» выступит Д. Благой.

В лермонтовские дни состоится заседание кафедры русской литературы ИФЛИ, на котором будет заслушан и обсужден доклад В. Неймана «Лермонтов и декабристы».

Институт мировой литературы им. А. М. Горького устраивает 13 и 14 октября (в Малом зале Консерватории) научную сессию, посвященную Лермонтову. Будут сделаны доклады В. Я. Кирпотина о политических мотивах в творчестве Лермонтова, Дурылина — на тему «От романтизма к реализму», Н. Л. Бродского — о студенческих годах поэта и С. В. Шувалова — о мастерстве Лермонтова.

ГИМН

Вечный революционер —
Дух, что телом рвется к бою,
За прогресс, за счастье, волю,
Днев еще, живет теперь.
На церковные вавилы,
На тюремные полаты,
Ни солдат тупые души,
Ни жерла грозных пушек,
И ни шипов ремесло
В гроб его не завело.

Он не умер, он живет!
Пусть века, как он явился,
Будто вновь он родился,
Силой собственной шлет!
Он окреп, и он шагает
Все туда, где рассветает...
Кличем словом, как трубою,
Миллионы за собою,
Миллионы в бой идут,
Чуют голос и не жут.

Голос духа слышен всем:
И в курных мужицких хатах,

И рабочему в заплатах,
Где царят недомы, темь,
Где лишь голос раздается,
Там слеза уж не прольется,
Там в упорстве всяк стремится,
Не рыдать, а лишь любиться,
Пусть хоть сыну, не себе
Долю лучшую в борьбе.

Вечный революционер —
Дух, наука, мысли, воля,
Тыме он не уступит поле,
Не возьмешь его теперь,
Развалилась эта руина,
Показалась лавина,
И вылетит ль в мире сила,
Чтоб разобь остановила?
Не залить, как пламя, пет,
Наступающий рассвет!

1880 год.

Перевод с украинского
Семена ГОРДЕЕВА

Максим РЫЛЬСКИЙ

ИВАН ФРАНКО-ПОЭТ

Иван Франко был несчастлив в личной жизни. Он был одинок или почти одинок в жизни общественной. Будучи человеком донососовского склада, работая и как поэт, и как прозаик, и как ученый, он все время подвергался гонениям, унижениям, оскорблениям. Неверно было бы утверждать, что этот человек никогда не падал духом. Целая книга стихов — «Зів'яле листя» — свидетельствует, что такие моменты бывали. И все-таки наш Франко, как и любимая им наша Леся Украинка, был одним из самых мужественных и жизнелюбивших людей своего времени. Царская неволя давила и душила Тараса Шевченко; неизлечимая болезнь приковывала к постели Лесю Украинку; издевательства польских «шпартитов» и украинских шовинистов преследовали Ивана Франко... И все же три наших величайших поэта сохранили непоколебимую веру в человека, веру в свой народ, веру в светлое будущее. История показала, что они не ошиблись.

Когда-то Пантелеймон Кулиш, одно время склонный всецело утверждать, что польские пань в Украине являлись «светлыми посетителями культуры», обратился к украинскому народу с такими словами: «Народ без пуття, без честі і слави». Злобой проникновена эта строка. А Иван Франко в прологе к своему «Моисей» пишет так:

Народ мій замучений, робитий —
и дальше:
Та прийде час, і ти вогнистим видом
Засяєш у народів вольнім коді...
Это звучит как пророчество. Это и есть пророчество.

Это — одна из прекраснейших струн поэзии Франко.

Поэзия эта сложна. И не только потому сложна, что в ней мы видим труднейшие и неожиданные для того этала украинской культуры стиховые формы — сонеты, терцины, октавы, тонкие верлибры, а и потому, что Франко, в отличие от большинства своих собратьев по перу, никогда не топтался на одном месте, был неугомонным в замыслах, сюжетах, настроениях.

Личные страдания («Зів'яле листя»), высокое чувство долга и великого дела («Каменярі»), приближение мировых сюжетов к современности («Похорон», «Мой-

сей»), окрашенный горечью мятежной украинский юмор («Щехістер Купер'ян»), образы угнетенного галицкого села, данные в мрачных, беспощадных и бесконечно ласковых тонах («У шинку», «Баба Митроха»), тонах, вальмирующих лучшие страницы Мопассана, самые скорбные мелодии Некрасова, знаменитый конец «Intermezzo» Коцюбинского, глубокие размышления о судьбах своего народа (пролог к поэме «Моисей»), о призвании поэта (ряд стихотворений в сборнике «Semper tibi»), о движущих силах истории («Вічний революціонер»), — таков диапазон Франко-поэта.

Существовало мнение, будто Франко как поэт «стужал», будто ему неизвестны были чистое вдохновение, ясность и прозрачность стиха. Мнение это по меньшей мере легкомысленно. Да, Франко был, по собственному определению, «каменщиком». Тяжелые глыбы приходилось ему разбивать тяжелым молотом, резец его был полюблен резцу сурового Микель-Анджело. Совершенно сознательно вводил великий поэт Западной Украины в обиход украинской культуры сложнейшие поэтические формы, а это было куда труднее, чем уныло попевать на одну-единственную ноту, выхваченную из богатейшей сокровищницы Шевченко, как делало большинство его современников.

И еще одного не надо забывать: Франко был прозаик, ученый, публицист, общественный деятель, всюду старался он заполнить пробелы в украинской культуре. Когда-то говорили: «Апокрифи з'яли нам Франко». — То есть: увлечение научной работой убilo Франко-поэта. Это неверно, ничего не могло «сесть» Франко, но он сам иногда сознавал, что быть может слишком мало уделяет времени и сил тому, что в нем, пожалуй, было сильнее всего: поэзии. Об этом свидетельствует потрясающее стихотворение: «Опівні Глухо. Зимно. Вітер віє». К поэту являлись видения. Кто-то стонет, кто-то плачет, кто-то жалуется. Кто?

Тату! Тату! Тату!
Се ми, твої невроджені діти,
Се ми, твої неспівані співі...
Правда! много осталось у Ивана Франко «неспетых песен». Но за спетые им песни — вечная ему слава!

Львов, Вдапи—здание театра.

ИТОГ ЖИЗНИ

Л. НОВИЧЕНКО

О постоянной, неутомимой жажде Ивана Франко к творчеству рассказывают чудеса.

По пути от своего дома до помещения общества им. Шевченко во Львове, куда он ходил каждое утро, Франко, по словам приятелей, успевал вынуть и запечатать свежим материалом четыре ящика в своем уме — то есть, обдумать по крайней мере четыре новых работы.

М. Коцюбинский как-то застал Франко босым и полуодетым. Он плал рыбачью сеть и одновременно писал свою величественную поэму «Моисей».

Уже разбитый параличом, в перерывах между приступами жесточайшей нервной болезни, Франко диктовал секретарю записки почти на всех языках Европы, включая сюда латынь и греческий, которыми он прекрасно владел.

К этому следует прибавить, что Иван Франко — сын украинского крестьянина-ученица, что образования он добился с большим трудом, что жил и творил он в веками угнетаемой Западной Украине, что вся его шестидесятилетняя жизнь (1856 — 1916) протекала в невероятных тяжелых условиях: постоянная нужда, голодание, болезни, аресты, травля, преследования, всецелые похемы и рогатки, расставленные на пути всего прогрессивного и демократического польско-австрийской реакции.

Иван Франко горячо любил свой угнетенный народ, боролся за его освобождение. Для всего творчества Франко, дарящего одна черта — чувство величайшей гордости своим украинским крестьянским происхождением, чувство долга перед воспитавшим его народом.

Украинцы в Западной Украине, кроме экономического и политического порабощения, подвергались насильственной ассимиляции. Нагая шляхта настойчиво «уясняла» украинскому народу, что он является удрученным историей, беспомощным к какому-либо духовному развитию. И вот из самой гущи украинского крестьянства поднимается колоссальная фигура Франко, упорным трудом достигает он вершин человеческой культуры и гордо заявляет:

«Как сын украинского крестьянина, вскорпленный черным крестьянским хлебом, трудом твердых крестьянских рук, считая себя обязанным барщиной целой жизни отработать те гроши, которые выдавала крестьянская рука для того, чтобы я мог вскарбаться на высоту, где

виден свет, где пахнет свободой, где сияют общечеловеческие идеалы».

Деятельность Ивана Франко — это целый этап в развитии украинской литературы и культуры вообще. Как многогранен был этот человек, сколько он сделал, как совершенен его труд!

В прозе Ивана Франко более или менее полно отражены все типы и события большой эпохи, пройденной и изученной писателем. Это — зарождение и развитие капитализма в Галиции, «нефтяная горячка», строительство Дрогобычских промыслов, головокружительное обогащение хозяев путем самой первобытной эксплуатации труда, общинные и пролетарийские крестьянства и первые революционные бои украинских рабочих, потрясение всю Галицию («Бог конструктор» и «Борислав сміється»). Это — галицийское село, великое движение крестьян за землю, это — полнейшее моральное разложение вырождающейся польской шляхты («Великий шум», «Основы сусильности», «Для домашнього вогнища»). Это — попытки передовой интеллигенции просветить и организовать крестьянство, вызывающие бешеную злобу земельных магнатов и правительственной бюрократии («Перехресті стежки», «Дзвіз і Пользе»). Это, наконец, историческая повесть «Захар Беркут», рассказывающая о героической борьбе народа против татарского нашествия. Но и это далеко не все, так как перу Франко принадлежат еще несколько томов рассказов, в том числе блестящие сборники «Бориславські оновізія» и «В поті чола».

Сравнительно небольшое место в творчестве Франко занимает драматургия. Франко написал всего 7 пьес, из которых лучшей можно признать драму «Украдено пастя». Но сколько есть еще других областей его неутомимой деятельности!

Франко-переводчик — это обогащение украинской литературы переводами с русского, немецкого, французского, английского, чешского, греческого, латинского и других языков, это — почти полный Пушкин на украинском языке, это — переводы из шестидесяти авторов.

Франко — критик и публицист — это свыше шестисот статей по самым разным

образным вопросам философии, истории, политики, экономики, эстетики, теории и истории литературы, насчетанных почти во всех журналах и газетах Восточной Европы и до сих пор еще не собранных и не изученных.

Франко-журналист — это последовательное редактирование им всех более или менее прогрессивных периодических изданий в Галиции, в том числе журналов «Громадський друг», «Світ», «Зоря», «Життя і слово», сыгравших большую роль в развитии украинской журналистики и литературы.

Глубокого изучения, наконец, заслуживает большая научная деятельность Франко. Ему принадлежат первые, до сих пор не утраченные своего значения, курсы по истории украинской литературы, а также множество трудов по древней украинской и русской письменности и фольклору. И — характерный факт! — получивший степень доктора философии, избранный членом Петербургской и Пражской академий наук, имевший почетный диплом Харьковского университета, Франко стараниями шляхетской кляксы не был допущен к преподаванию во Львовском университете!

Иван Франко — великий сын украинского народа. Он всю свою жизнь боролся за освобождение трудящихся Западной Украины от панского гнета. В стихотворении «Наймти», обращаясь к своему народу, он писал:

Ори і співай, ти, волетю, закутий
В неволі і тьми яри!
Пропадє пітьма й гніт, опадуть з тебе
пути,
І яра всі ми порвемо.

Не ярам ти в білі, пригноблений
врагами,

Про силу духу все співав,
Не даром ти казав черв'ячим устами
Його побудь вдалач.
Він побідить, порве скарпущі пересуду,
І вольний, власний він —
Ти знов оривмінь — властвивць свого
труду

И эти мечты поэта свершились. Красное знамя развевается ныне над с. Нагуевичи близ Дрогобыча, где родился Иван Франко, где ребенком проживал он целые дни в отцовской кухне, набрав оттуда, как он сам говорит, «запас огня на далекий путь жизни».

Это — лучший итог героической жизни Ивана Франко, отданной народу.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ УКРАИНЫ

ЮРИЙ ЯНОВСКИЙ

Работает над новой комедийной пьесой на современную тему.

ИВАН КОЧЕРГА

Заключил комедию «Сусанна» — о советском браке.

Другая тема, над которой работает драматург, — драматическая поэма «Фаустина», в которой сделана попытка дать фаустовские мотивы в обстановке современной Европы.

ИВАН ЛЕ

Заключил роман «Украина», том I. Тема: восстание украинского народа против польских панов в конце XVI столетия.

САВВА ГОЛОВАНОВСКИЙ

Заключил либретто оперы «Поэтова доля» на сюжет своей одноименной пьесы. Музыка написана композитором В. Я. Юриш. Опера будет поставлена в текущем сезоне на сцене киевского театра имени Шевченко.

В ближайшие дни С. Головановский выйдет книгу стихов «Книга визнань».

Сейчас т. Головановский занят работой над двумя пьесами.

Первая из них будет называться «Колеса в Галиции». Мотивы взяты из некоторых произведений Ивана Франко. В пьесе будут даны образы западноукраинских рабочих-нефтяников в атмосфере того беспорядка и нищеты, на которые были обречены трудящиеся бориславских промыслов.

Вторая пьеса называется «Соломия». Действие происходит в дни коллективизации на Украине.

ЯНОВ ГОРОДСКОЙ

Весь 1939 год работал над циклом стихов, которые составят новую книгу — «Встречи». Основные вещи книги — героический цикл, стихи об Украине, о Черном море, вариации на тему «Давид Сасунский». Книга на-днях выйдет в издательстве Украины.

В дальнейшем планах — работа над повестью о Николае Огинском. Это — герой николаевского комсомола, поэт, погибший в боях во время гражданской войны.

СЕМЕН ВРЯЖЕНКО

Последние годы работал над трилогией о легендарном полководце, называемом Шорсе. Первые две книги — романы «Луга на Львов» и «Николай Шорс» — уже вышли на украинском языке и переведены на русский.

Сейчас закончена последняя книга трилогии — роман «Польский фронт». В этой книге описаны события 1920 года на Украине, борьба украинского народа против белополяков и разгром польской шляхты под руководством товарища Сталина.

АЛЕКСАНДР КОПЫЛЕНКО

Вышло из печати второе, исправленное издание романа «Десятикласники» на украинском языке. На русский язык этот же роман перевел Г. А. Благинина для Детгиза при ЦК ВКПМ.

В настоящее время Копыленко работает над романом «Страна республик». Это будет книга о многих временах — об истории освободительной борьбы украинского народа, о наших современных людях, о замечательной столице Украины.

АРКАДИЙ ЛЮБЧЕНКО

Пишет роман о современном колхозе. Идея романа — ценность человеческой жизни.

ДАВИД ГОШТЕЙН

Заключил перевод «Кобзаря» Т. Г. Шевченко на еврейский язык. Переводит поэму грузинского поэта Георгия Леонидзе.

ИЦИК ФЕДЕР

Работает над романом в стихах «Наследия Соломона». Это книга о новом еврейском селе, о пероках общагалицеского земледельца, о славных в поэзии еврейского народа.

Слана в печать книга «Народные баллады».

М. ЖИВОВ

Он между нами жил

В дни, когда героическая Красная Армия страны Советов вступила в Западную Белоруссию, неся свободу угнетенной родной стране, хочется вспомнить об Аламе Мицкевиче — великом поэте, роившемся на этой земле и здесь начинавшем творить, мечтая о свободной жизни народов.

На хуторе Заосье, близ Новогрудка, прошли его первые детские годы. В Новогрудке, где Мицкевич учился в лонинской школе, он видел штаб Жерома Бонапарта, и там же очень скоро ему пришлось наблюдать ужасную картину бегства остатков наполеоновских войск, разбитых русской армией.

Мицкевич любил слушать народные песни, которые распевали девушки, приходившие в дом его родителей в праздники. Когда много лет спустя, в Париже, ему привели сборник красочных, литовских, русских и галицийских народных сказок, оказалось, что он знает их все наизусть и может назвать любой мотив. На сохранившемся экземпляре есть даже исправления, сделанные рукой Мицкевича.

Из народных песен и сказок, слышанных им в Новогрудке, рождались мотивы его будущих собственных песен.

В вильнюсовом университете Мицкевич познал красоту мировой поэзии, читал «Илиаду», «Энеиду», «Освобожденный Иерусалим», Вольтера, Шекспира. Там он впервые взялся за переводы классической поэзии, памятуя слова Деллия: «Переводчик взаимно берет красоту, должен ее возратить, хотя бы иной совершенно мопет».

В вильнюсовом университете Мицкевич вступил в кружок «фламатов» — любителей науки, члены которого, занимаясь наукой, попутно заботились о будущем своего народа и всего человечества. В Вильнюво написаны первые произведения поэта. Там родилась его «Песня фламатов», в которой он призывал «сыны по-

цели равнять, а не цели по силам». Там впервые прозвучала его «Ода к молодости», в которой он приветствовал «зарю, свободу и солнце, что за нею гонят». Там прочел он оды «Людмилу» Жуковского, и быть может, под ее влиянием возникли баллады «Святаязнь», «Рыбак», «Курган Марыли» и «Святель», в котором Мицкевич писал:

Если повесть в Новогрудке случится,
В чашу захват Плузжикского бора,
Не позавтай оставиться, —
Озеро есть там, достойное взора.
Сверзеть там простирается чистый,
Кругом сверкает огромным,
Лыбиной блестят серебрянкой
В чаше густой и укробной.

Когда после окончания университета Мицкевич поселился в Вильнюво, где стал учителем гимназии, каждый приезжал в Вильнюво был для него праздником. Там были его друзья. Туза посылал он каждое свое произведение.

В Вильнюво, после возвращения из Ковно, его арестовали и послали в базиланский монастырь. На стенах этого монастыря он начертил: «Здесь ноябрьской ночью 1823 года Густав умер, здесь ноябрьской ночью 1823 года родился Котляра». Это убого мечтательный Густав из первых глав «Дядю», чтобы стать Котляром-борцом, идущим через все препятствия к цели.

24 октября 1824 г. Мицкевич покинул родину, чтобы больше туда не возвращаться.

Сегодня хочется вспомнить и о том, чем были для Мицкевича годы его российско-го изгнания.

Из Вильнюво Мицкевич приехал в Петербург, где пробыл недолго. Но за эти не многие дни, как пишет сын поэта Владимир Мицкевич, он познакомился с «русскими, скорбевшими над слепотой своего правительства», увидел «брожение, происходившее в русском обществе», и это

пробудило в нем «надежду, что оттуда (из России) — М. Ж.) засияет солнце свободы, как говорит великий русский поэт (Пушкин) — М. Ж.) в замечательном стихотворении Мицкевича «Памятник Петра Великого».

В Одессе куда послали Мицкевича, он встречал преимущественно с польской аристократией, жизнью там, и характерно: этим периодом пребывания в России поэт остался очень доволен.

Новое дело — пребывание в Москве, где Мицкевич обосновался после отъезда из Одессы. Здесь он облизился с лучшими деятелями русской литературы, окружившими его вниманием и любовью, и в их лице он нашел подлинных друзей. Мицкевич был далеко от повизнума своего друга Зина, который, например, отказался прочесть книгу советов Мицкевича только потому, что она была издана в России. В письме к Зину, упрекавшему его в близости с русскими, Мицкевич открыто заявил: «У меня здесь имеются знакомые, и со стороны многих я встретил расположение и симпатию, а от некоторых друзей, и я рад отплатить им за это признательностью. Да будет проклят, кто не платит» — прочти, что я цитирую из «Дядю»...

Мицкевич искренно радовался тому, что приобрел друзей среди лучших писателей и литераторов России. О Полевом он писал Ольгичу, что это «благородный человек и способный литератор», о Соболевском: «это хороший человек и мой благородный друг». Не без гордости писал он в другом письме тому же Ольгичу: «Поэты во всех алмаанахах, а их здесь множество, фигурируют мои сонеты, имеется несколько переводов их... Жуковский, с которым я познакомился и который очень расположен ко мне, писал, что если возложат еще за перо, то посят его переводу моих стихов. Пушкин перевел начало «Валленрода» несколько десятков строк. Русские распространяют свое гостеприимство и на поэзию, и из расположенных ко мне переводят мои стихи, вслед за

главными писателями, множество других людей».

Мицкевич никогда не знал такого внутреннего поэма и в жизни и в творчестве, как в годы жизни в России. В письме к Зину он признавался: «Правда, если бы я вернулся в нашу Литву, то я, может быть, как спущенная пружина, опять повесил бы нос...» В России Мицкевич написал то, что он считал лучшим в своем творчестве. Когда Каролина Павлова спросила его, какие свои произведения он любит больше всего, он ответил: «Люблю несколько страниц «Валленрода» и несколько крымских сонетов, из остальных, по правде говоря, ничего».

Мицкевич прекрасно понимал, что литературное движение в России далеко опередило польскую литературу. Он писал своему другу и учителю Делевалю, что в «вопросах литературы Польша отстала от России по крайней мере на полстолетия».

И именно потому, что он сознавал это, на него так благотворно влияли доброжелательные отзывы русских друзей о его произведениях. Они смягчали горечь, вызываемую в Мицкевича откликами о нем варшавской критики, встречившей лучшие произведения поэта бешеными нападками. Известный польский литератор Казан Юзвянин писал в 1827 г.: «Сонеты Мицкевича лучше всего оценил Мостовский одним словом: мерзость. Не знаю, что в них можно найти хорошего: все гнусно, пошло, вращо, грязно: все, быть может, крымское, турецкое, татарское, но не польское... Что общего имеют с народной поэзией Чатырматы и турецкие ренегаты?» Можно представить себе, насколько более близки были Мицкевичу Пушкин и Вяземский, Жуковский и Козлов, Гоголи и Соболевский, нежели все «отечественные» Казаны, которых было немало в тогдашней Польше.

Годы пребывания в России внутренне укрепили Мицкевича. Леонард Ретгель писал в 1880 г.: «Козлову и в голову не приходило, насколько он был прав, говоря о Мицкевиче Ольгичу: — Взяли мы его у вас сильными, а возвращаемся могучим». В 1829 г. Мицкевич уезжает с собой

в эмиграцию идеи и настроения передовой русской интеллигенции. Дружба с Пушкиным оказалась на него большое влияние. После того, как Пушкин написал «Клеветникам России» и «Бориславскому головному», Мицкевич, уже живя за границей, писал о Пушкине: «Слушая, как он (Пушкин) — М. Ж.) говорил об иностранной политике или о политике своей родины, можно было бы подумать, что это говорит муж, поспевающий в государственных делах, читающий ежедневно отчеты всех парламентов».

То, что Мицкевичу были понятны настроения Пушкина, выраженные в упомянутых стихотворениях, подтверждает и сам Мицкевич в своем известном некрологе о Пушкине и в высокохудожественных отзывах о великом русском поэте в своем «Курсе славянских литератур».

Мицкевич уехал из России «могучим», укрепленным той глубокой связью, которая установилась между ним и передовой русской культурой. Эта связь поддерживалась через Соболевского, Шевырева и Зинаиду Волконскую и в его заграничных скитаниях.

В дни польского восстания 1830—31 гг. Пушкин писал Е. М. Хитрово: «Из всех поляков меня интересует только Мицкевич. Он был в Риме в начале восстания. Боюсь, как бы он не приехал в Варшаву присутствовать при последних судорогах своего отечества». Мицкевич приехал в польской границе, но неизвестно даже точно, удалось ли ему побывать в Польше. Во всяком случае, после подавления восстания он уехал в Дрезден.

Ст. Пятков в предисловии к VI тому академического издания Мицкевича, вышедшему в 1933 г. в Варшаве, писал: «Духовная связь Мицкевича с польской эмиграцией началась весной 1832 г. в Дрездене, где поэт после долгого периода скитаний и внутренних терзаний, борьбы с неверием в поколение современной Польши, обретши душевную гармонию и овеянный вихрем поэтического вдохновения, любовно сблизился с группой друзей, бывших повстанцев». Но Ст. Пятков выужден далее признать, что польские эмигрантские массы, пребывавшие в бездействии, бездельи и все более безнадежном ожидании, начали разлагаться, пошатнулись их «моральная дисциплина», не стало идейной сплоченности. Мицкевич на-

стал еще два крупных произведения — третья часть «Дядю» и «Пан Тадеуш». Но, видимо, и здесь не обошлось без воздействия его русских друзей. Не случайно мы читаем в письме Шевырева к Соболевскому, что он и Зинаида Волконская старались «засалить его (Мицкевича) — М. Ж.) за перо, чтобы он подарил нам новым «Валленродом».

Несколько лет спустя Мицкевич поддал под пагубное влияние мистика Товианского. Мицкевич стал одним из ярых проповедников «учения» Товианского о всемирной миссии Польши и грядущем свыше спасении ее. Мицкевича-поэта не стало. Его место занял Мицкевич-«пророк».

«В вопросах литературы Мицкевич имел, конечно, гораздо больше веса, нежели в области политики», — робко писал Леонард Ретгель в 1880 году. Но правая клика панской Польши в течение последних двадцати лет придала ему большое значение пророчествам и вешаниям Мицкевича, тем его поэтическим произведениям. В его «пророчествах» она искала оправдания своей тлетворной политике. Не случайно в академическом издании, выходящемся по специальному постановлению польского сейма, политические статьи и речи Мицкевича появились раньше, чем «Борислав Валленрод». В этих сумбурных высказываниях высклакивались фразы, которые можно было бы превратить в лозунги параболителов и угнетателей.

Для трудящихся — единственных полноправных наследников всего лучшего, что создано мировой культурой, существовал и будет существовать поэт Мицкевич, о котором Роза Люксембург писала: «Если бы польская литература не могла назвать ни одного имени, кроме этого поэта, то в тогда она была бы выраже злостью в мировой литературе почетное место народу с культурнейшими нациями». В Западной Украине и в Западной Белоруссии, где работал и начал формироваться поэт Мицкевич, освобожденные народы и их освободители сегодня вспоминают и чтят того, кто «говорил о временах грядущих, когда народы, распри позавыт, в великую семью соединятся...»

КОНЕЦ МАРТЫНОВА

Летиздат ЦК ВЛКСМ готовится выпустить книгу депутата Верховного Совета СССР орденосца Ивана Гудова «Моя жизнь в труде» под редакцией Льва Кассиля. Книга эта является автобиографической повестью одного из замечательнейших представителей социалистического труда.

Будучи комсомольцем, Иван Иванович Гудов работал в качестве политрука в колонии для беспризорников и малолетних правонарушителей «Трудовой путь». Колония эта находилась близ Москвы, у станции Сходня, в имени, ранее принадлежавшем убитому Лермонтову — Мартынову.

Помещаемый ныне отрывок «Конец Мартынова» входит в одиннадцатую главу книги Гудова.

Жил в колонии парень по прозвищу Низкозай «коренной». Прежде он был вором. Это был рослый и сильный юноша. Он подчинил себе всех ребят и считался «коренным» атаманом всей колонии. Ему были подвластны «подкоренные», стоявшие во главе семерок.

Так было устроено тайное, подпольное самоуправление ребят в колонии.

Когда был признан главой воспитанников. Он вел себя безукоризненно, выполнял все поручения, слушался воспитателей. Но я знал, что это по его приказанию тайные семерки воруют и режут кур, крадут одеяла, сапоги, взымают кладовые. И, несмотря на то, что ребята действовали по указанию своего коренного, его никто никогда не выдала. Каждый брал вину на себя. Николая боялись, кулак у него был тяжелый. Он раздобыл себе галстук, рубашку и ремень. Он был чистеньким. Он не скрывал от воспитателей, что у него имеются наган и фиска. Но отнять у него оружие днем, без вызова бунта всей колонии, было невозможно, а ночью он умел так прятать запертые вещи, что обнаружить их не удавалось.

Я внимательно слезла за Николаем и как-то застал его, когда он собирался сам совершить один очень мерзкий поступок. Так как Коля держал своей репутацией, он несколько смущился.

— Эх ты, смущик, — упрекнул он меня.

— Ты не думай, — ответил я ему, — я сам был когда-то беспризорником и весь ваш блат знаю лучше некуда.

— Ну, тогда давай по-блатному стучать.

Мы разговорились с ним по-блатному. Шатаюсь по Кубани в голытые годы, а хорошо выучился этой «музыке».

С этого дня Коля стал считаться со мной, и мне удалось установить через него первые и простейшие основы порядков в колонии. Но нам пришлось пережить еще много трудных дней. Всевозможные происшествия то и дело потрясали нашу и без того неспокойную жизнь.

Однажды произошла такая история. Был жаркий день. Уже убрали клевер. Заведующий находился в Москве. Колонией командовал в эти дни я.

Ко мне побежали ребята и с таинственным видом сообщили, что в колонии поехала машина. Из нее вышли двое — мужчина и женщина. Они огляделись и прошли за черную на кладбище, где похоронены все Мартыновы.

Ребята спрятались в кустах и подползли следом за проезжавшими. Они слышали, как мужчина рассказывал женщине: вот здесь похоронен такой-то, здесь этот. Каждого мертвца знал он по имени и отчеству.

Из-за переноса выпала, закопавшаяся в придорожной баба-ключница. Вдруг старуха остановилась, ахнула, всплеснула руками и чуть не упала. Мужчину подбежал к ней и показал жестом, чтобы она не шумела. Старуха кинулась целовать у него руку.

По кладбищу шли другие наши ребята, поменьше. Мужчина подошел к ним.

— У вас, как будто, корова есть, незлы ли молочка достать? Мальши, ничего не подозревая, рассказали, что заведующего нет, и обещали доложить политруку, — мне. Но баба замалаха руками:

— Уходите, уходите!.. не говорите ему. Он всегда ко мне пригибается. Скажет еще — надела корова-побу.

Узнав об этом, я, не теряя ни минуты, пошел к ключнице.

— Ну, — говорю, — Панихида Иванова, сознавайся, кто у тебя сейчас был?

С перену она мне все рассказала. Оказалось, что это приезжал один из Мартыновых, бывший земский начальник. С ним была его сестра.

— А где они живут?

— Не знаю.

Я сообщил об этом происшествии куда надо. Через несколько дней приезжали чекисты и обнаружили большую дыру в стене. Вероятно, ночью Мартынов вынул сыртянные деньги.

Происшествие это очень заинтересовало ребят. Они все расспрашивали меня:

— Кто это был? кто это такие Мартыновы?

Я рассказал им о Лермонтове. Я нашел в нашей библиотеке томик стихов поэта, и самые отчаянные «подкоренные» вместе со своим атаманом Колей целый час без единой драки, в небылой тишине слушали лермонтовские: «Бородино», «Мцыри» и «Узника». Читал стихи я детям неслышно, спотыкаясь, но с чувством, с выражением, как учил меня в нашем сельском драмкружке, в Делрах.

Потом я рассказал ребятам все, что я слышал от нашего преподавателя о смерти Лермонтова. Я сам имел тогда смутное представление об этом, знал только, что царь сослал на Кавказ великого поэта за его волнющие стихи, а там дворянин Мартынов убил Лермонтова на подстреленной дули.

— А ему статью дали какую-нибудь?

— Спросил кто-то из ребят.

— Кою?

— Ну, Мартынову. Этому, который застрелил... Ничего ему за это не было?

Я как мог объяснил, что царь был левостел габелью мятежного поэта, убийца остался безнаказанным, жил себе преспокойно, умер в довольстве и похоронен в имени. Где сейчас паца колония.

Ребята молчали. Я не привык к такой тишине у нас в колонии и с опаской поглядывал на воспитанников. Не нравились мне эта тишина. Коля взял у меня из рук томик Лермонтова. Он заучив перелистывал страницы.

«А вы, названные потомки», — прочитал он и вдруг вскричал: «Ах, заразы, гады!.. это они и приезжали стенку нам ковырять, «названные потомки!»

— Ребята, — закричал Коля, — какого чорта тут у нас Мартынов разлежывается себе!.. Не место ему тут лежать, раз он Лермонтова кончил, холера!.. Айда за мной.

Я пытался остановить разгоряченных ребят. Но они, предводительствуемые Колей, бросились к фамильному склепу Мартыновых.

Через несколько минут выволаченные из склепа кости Мартынова, бесславного убитого поэта, были взырнуты на пилку. Галки летали над деревом. Коля стоял внизу и читал по книжке:

Висит скелет подлестованный,

Из глаз посыпается песок...

Он пригрозил кулаком скелету:

— Ах, паразит, Лермонтова битый!

— Эх, живым ты нам не попался. Мы бы из тебя щепок накололи, — поглядывая вверх, ругались ребята. — Собака! У, леком, Лермонтова застрелил!..

— Топить его в пруду! — скандовала Коля.

Останки Мартынова сбросили на землю, поволокли и утопили в пруду.

В пустом склепе поселился сам Коля, и с этого дня там всегда спал. Он брал с собой фонарь и читал на ночь Лермонтова...

В ближайшее время Гослитиздат выпустит сборник избранных рассказов и повестей крупнейшего азербайджанского писателя и журналиста Джалиля Мамада Кулиева (литературный псевдоним — Мопла-Насреддин). Книга иллюстрирована конюшниками, выполненными художниками Н. Мухимым и Ф. Константиновым

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ

РОДНАЯ КНИГА

Маленькая Нина говорит мне «по большому, большому секрету»:

— Очень обрадовался старый наш медведь.

— Какой медведь? — удивленно переспрашиваю я.

— Какой? Тот, что был в Красной Армии, — говорит Нина. — Лебе надо сейчас же написать всем нашим деткам и командирам, чтобы его как-нибудь не трогали, а сажали в самолет и везли в Москву.

— Какой медведь? Ничего не понимаю.

— Он уже старый, и лысыя, и седой, — не слушая меня, продолжает Нина, — он уже изволовод, и его надо пожелать... Пожелать раньше меня, — говорю Нине, — я ничтошенько не понимаю. Я тоже старый, и седой, и голый.

— Медведь не голый, — говорит Нина строго. — А ты притворяешься, будто забыл смеюло войку Мишку.

И я сразу вспомнил хорошую белорусскую детскую книгу, которую как-то читал Нине. Ее написал Михаил Лыньков, а называется она так: «Про смеюла войку Мишку и его смеюлых товарищю».

В который раз я дилосью ребячьему уму и зоркой детской памяти. Семилетняя Нина раньше меня вспомнила очень нужную сейчас, кажется, единственную в детской литературе книжку о советско-польской войне 1920 года, о Красной Армии в Польше, о прекрасной белорусской земле.

Нелегко сюжет этой книги. Где-то в Западной Белорусии, в густом малиннике живет с матерью маленький невольный медвежонок. Рядом — в лесу и в болотах — дерется с польскими панами красноармейский полк. Три батальона в полку. К первому прибудили козлы бородатый, во втором служат «собака звячжайной породы» — Жук, а в третий попадает Мишка. Они дружат с красноармейцами и вместе с ними ведут боевую походную жизнь. Славный войка Мишка большой смелый, но лес полон, а вместе с полком и выжи читатель, любит Мишку, великого артиста и бойца.

Лыньков любовно показывает ребятам добрых и хороших мишкиных друзей, людей Красной Армии. Да, их узнаешь сразу — наших героев, любящих родину и жизнь, одинаково чудесных в бою, в веселье и радости.

Это — книга о счастливом, свободном народе, об армии патриотов, в ней слово боец по-горьковски звучит гордо.

Белинский когда-то говорил: «Дайте детям больше и больше совершенства общего, человеческого, мирового; но преимущественно старайтесь знакомить их с этим через родные и национальные явления. ...общее является только в частном: кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству».

Достоинство детской книги Лынькова именно в том, что большую свою идею — любовь к родине и ненависть к врагам — она раскрывает на мишких, полных смора и теплоты, родных и близких ребятам явлениях.

Двадцатый год. Идет война. Советский народ защищает родину и революцию. На фронте «войка Мишка» находит свое место, своих друзей и своих врагов.

Фабула книжки сложна. Но это не мешает ребятам свободно воспринимать прочитанное. Наоборот, чем больше событий, тем интереснее.

Прекрасная армия у нас в стране, веселая, смелая, славная армия, и ее, как

Заметки о фестивале колхозных театров

А. ГУРВИЧ

Несомненно, Карпенко-Карый писал свое «Наймичку», очарованный «Грозою» Островского. Другая среда, другие люди и их взаимоотношения, но судьба Харитины и в особенности трагический конец ее пелодого и непосильной жизни вызывает в памяти Катерину.

Харитина — нищенка и сирота. Она работает наймичкой у корчмаря. Жизнь Харитины нельзя назвать жизнью, но ей хочется жить, потому что она любит молодого, хорошего парня, батрака Панаса. Обманутая и обезцеленная деревенским богачом Цокулем, Харитина теряет единственное свое достоинство — любовь Панаса. Искалеченная, не зная, как дальше жить, она бросается в реку и гибнет.

Сюжет «Наймички» не оригинален, он типичен. Судьба Харитины противостоит венна и в то же время закономерна, немилосива и неизбежна, и в этом противоречии заключена драматическая сила «Наймички». Вызывает удивление неожиданный мелодраматический финал, которым автор нарушает цельность социально-бытовой драмы. После самоубийства Харитины Цокуль к ужасу своему узнает, что поруганная им девушка была его незаконной дочерью. Таким образом, социально обусловленные, а это значит всемогие, содержательные, ответственные отношения перекрываются случайным, произвольным обстоятельством, которое в сознании героя плещет не могло иметь места и, следовательно, ничто и никто не характеризует. Второй одесский колхозный театр, основательница которого — талантливая и неунывающая артистка, по пошлости вычеркнула молодого Цокуля, в котором тот, узнав, что Харитина — его дочь, приходит в ужас от содеянного. Цокуль — аверь, и вдруг — раскаяние! Усомнившийся, кающийся аверь! Нет ли здесь примирения с Цокулем? Нет ли здесь «сочелования» аверь? — насторожились одесские товарищи. И решили: нет, раз ты кулак, мирод, так будь же еще и кровосмесителем!

Монолог выкинула. В результате ошибка автора не снята, а усилена. Зритель ухулит, и в мыслях его патологические явления отодвигает социальные.

Эта неудачная купюра тем более удивительна, что в целом «Наймичка», один из лучших спектаклей фестиваля, поставлена с большим тактом и педомудренностью. Здесь нет самого вредящего и опасного врага искусства — сентиментализма, на который так легко было собиться в плесе о нищенке и сироте.

Харитина в исполнении артистки Е. Семенюк не вызывает жалости артиста и нигде не раскрывает роли истонцающейся саможалеяния. О жестокой эксплуатации ее корчмарем она рассказывает, как о самом обыденном и нормальном. Ей и в голову не приходит мысль, что жизнь ее могла бы быть иной. И это непонимание несправедливости такой роли вызывает особое беспокойство за судьбу Харитины, особое сочувствие к ней артиста.

Самая сильная сцена — последние минуты Харитины. Панаас в горестном раздумье. В первый раз наймичка, сирота удивляет себя действительно обездоленной. Она одна на берегу реки со своим непреодолимым горем. Артистка одна на сцене со своим дилительным монологом.

Это трудно играть: нет партнеров, нет смены положений, события уже поели, артист уже знает, что Харитина пришла к своей гибели. Пьеса кончена, но остается самое главное, от чего многие драматурги увиливали бы: остается выразить состояние души человека, находящегося между жизнью и смертью.

Е. Семенюк сумела передать, и передать по-своему, преломленную тоску Харитины. Харитина томится, ропщет, но едва слышно, как бы завороненная смертью, подвластная слабости своей, когда нет уже сил, чтобы умушнуться, чтобы выразить страхи. На сцене цели соловьи, играют блики на воде. Это было сделано искусно, примитивно, технически далеко не совершенно, но и в аэуках и в бликах, казалось, мерцала уходящая от Харитины жизнь, уходяло тихое, спокойное утро, которое будет вечно повторяться.

В этой сцене была найлена гармония, которая дает искусство жизнь. Прощание с жизнью, обреченность сильно давали себе чувствовать, думалось о судьбе человека.

В даровании Семенюк лирическое начало живет и развивается за счет драматического. Харитина подкупает простотой, ес-

тественностью, она реальное, земное существо, а не абстрактный романтический символ угнетенности. Но привязанность ее к земной жизни недостаточно чувствена. Драматизм, чувственность свойственные зрелости. В глазах Харитины — Семенюк детский испуг никогда не сменяется жесткой тревогой. Она вся открыта, ничего тайного, непонятного. Ее любовь к Панаасу прозрачна, бесплотна, она лишена чувственной силы, томления, дурмана. Она проходит в спектакле прозрачно, и поэтому даже трагический ее конец больше трогает, чем пстрадает.

Слабо выраженное в образе Харитины женское начало в известной мере ослабляет силу всей драмы. Мы увидели уютную жизнь и гибель печальной, безропотной, запуганной девушки. Еще трагичнее была бы такая же судьба девушки, тапшей в себе огромную жажду жизни, способной сильно любить и гибнущей на пороге счастья.

Чтобы написать о спектакле, надо восстановить его в памяти, как бы снова увидеть его. «Бор Бульчев» Пугачевского колхозного театра, как целостная картина жизни определенного времени, в нашем воображении не возникает. В память врываются отдельные сцены и две фигуры. Резко и талантливо очерчены характеры Бульчева и Шуры, живо запоминаются эпизоды, в которых выражена эстетика суетности и мракобесия (трубка, закурка, блаженство). В этих сценах и лицах сосредоточена вся энергия и экспрессия спектакля, в остальном валого и невыразительного.

Бульчев и Шура (артисты Н. А. Малюгина и А. В. Кочеткова) в этом спектакле действительно родственные натуре. В Шуру течет горячая кровь Бульчева. Она — дочь своего отца и телом и душой. Оба они некрасивы, причудливы, как-то непривычны для глаза, но вскоре чем-то начинают привлекать к себе и их внешность. Значит, артист уже душевно расползся к ним.

Шура дика. Недовольство жизнью выражается у нее в ревах, агрессивных выпешках. Она беспривычно находится в состоянии оппозиции ко всем и ко всему. Внутренне напряженная, она сдерживает готовность в любую минуту броситься на любовь. И чем более она беспомощна, тем более вызывающа и неприимрана.

Такой образ Шуры дополнительно, так сказать, наследственно, во втором поколении, раскрывает трактовку образа Бульчева. Бульчев у Малюгина — цепкий, озорной, несколько жадный буйный человек. Такой характер передан артистом ярко и законно, но в этой законности не только сильна, но и слабая сторона игры Малюгина. В ней заключены сравнительно узкие границы замысла. Малюгинский Бульчев крепко умом, явистелен, но в нем нет той глубокой мудрости и сложности чувств, которые вложил в своего Бульчева Горький. В образе Бульчева передана социальная обреченность класса русских капиталистов, конец целой эпохи, и Бульчев, выравнивший мыслью из замкнутого круга представлений своего общества, не только ощущает эту гибель, но и трезво осознает ее, как бы видит ее со стороны. Широкая, жизнелюбивая и жизнеспособная натура Бульчева надломлена. Умный Бульчев обогатен и в то же время ограблен опытом своей уродливо прожитой жизни. Это накладывает отпечаток на его мысли и чувства, на его манеру говорить, двигаться, слушать. Философское раздумье, скептицизм, ирония, презрение к мелким, до лад видимым людшкам и, наконец, некая раслабленность, разбитость, вызванная не только физическими страданиями, но и глубиной душевным социальным кризисом, — все это образует сложность состояния Бульчева.

Неудовлетворенность жизнью не притупила у Бульчева мучительного страха перед смертью, и он одинок. Одинок перед лицом почти вилотную подолженной смерти, одинок в своей семье, среди этих «других», которые оказались для него действительно другими, чужими.

Злоупотребляя темпераментом Бульчев в темпераментного Малюгина не отогрел своим прошлым, не измучен надвигающимся страшным концом.

Впрочем, вопросы наши к исполнителю роли Бульчева могут быть бесцелены, так как образ этот неисчерпаем. Да и кроме того с достаточной полнотой его может передать даже талантливый артист лишь в ансамбле спектакля.

Ведь именно для того, чтобы показать одиночество Бульчева, его нужно окружить людьми. Одиночество это — в его отношении к окружающим, а не в отсутствии их, в отчужденности, а не в изолированности. В спектакле же Пугачевского театра одиноким был не столько Бульчев, сколько актер. Не было партнеров. Не было ансамбля.

С трудом и без попытки вспоминать образы жизни Бульчева Кесния, Павлина, Меланы. Мы не видели Достяевных, Звонцовых, хотя они и двигались по сцене и, вероятно, добросовестно выполняли все режиссерские поручения. Бесславно асчала Яков Латте. Тати и пристраивая азначительную роль для понимания Бульчева горячница Глафра.

Все эти люди вместе образуют ту конкретную историческую среду, тот мир, от которого мучительно и болезненно отталкивается Бульчев. Нет этой среды и нет широких исторических обобщений, остаются характеры — сильные, озорные, странные характеры Бульчева и Шуры.

Малюгин и Кочеткова играли свои роли вне живой атмосферы, как бы в безвоздушном пространстве, и все же огонь, который они зажгли в этом спектакле, не потухает.

Народное творчество Западной Украины. Орнаментированное фаянсовое блюдо

С. НАГОРНЫЙ

СВЕТ НЕ МЕРКНЕТ

В романе Киплингиды молодой художник, утративший зрение, переживает безмерную муку именно в те часы, когда в его комнату доносится голоса друзей, обсуждающих события текущей жизни, планы новых путешествий и походов.

Кажется, что если бы жизнь остановилась, если бы она не дразнила обреченного на неподвижность героя романа, — ему было бы легче. Он любит деятельную жизнь военного лагеря, опасные походы, дружбу по плулами, суровые приключения колониальной войны... Но он лишен всего этого. Самой жестокой в его судьбе то, что вся эта жизнь продолжает существовать! Без него. И ему остается обучать только способ самоубийства. Как приговоренный к казни тишет последнюю папиросу, так Дик Хельдар смакует последние приключения, которое он избрал для себя перед смертью.

«Свет погас» — печальная книга. Трагедия Хельдара, человека, утратившего связи с жизнью, правдива и жестока. Это трагедия в подлинном смысле, потому что выхода у Хельдара нет и не может быть. То многое, что связывало его с жизнью, разорвано случаем, катастрофой окончательно и бесповоротно.

Каждый может назвать десяток героев, не менее трагических, чем Хельдар, описанных в книгах, талантливых и даже гениальных.

Но можем ли мы представить себе людей, связанных с жизнью путями, неизмеримо более крепкими, несравненно более многочисленными, чем те, которые соединяют с жизнью Дика Хельдара? Людей объединенной стойкостью, людей таких, чья судьба в силу могучих социально-психологических условий орослась с судьбой класса, общества и — выноса — не остается одинокой, но знает потому и обреченности? Знаем ли мы этих людей, которые в шуме ветно текущей жизни на-

ходят радость и исцеление своих душевных ран?

Такие люди всегда были. Их одинокие жизни превращали будущий день человечества. К счастью, таким людям принадлежат настоящие и завтрашний день.

Мы чтим память писателя Николая Островского, в частности за то, что он в своей книге изобразил главного героя современности — человека необычайной жизненной стойкости, могучих связей с жизнью, человека, которому нельзя умереть, — ему уготована вечность, он — народ.

Книга Островского «Как закалялась сталь» имеет огромный успех, она расчитана в миллионах экземпляров и переведена на десятки языков. Успех писателя Островского должен быть объяснен в первую очередь современностью темы его произведения. Жгучая актуальность этой книги возникла не в таком-то квартале такого-то года. Это актуальность эпохи. Победа книги Островского помогает нам осознать истинный смысл понятия «современная тема». Это понятие требует от писателя проникновения в смысл времени, умения найти в течении жизни такую струю, которой не суждено иссякнуть.

По этой и по многим другим причинам жизненная и собственно-писательская судьба Николая Островского может очень многому научить писателя. С. Трубецкой в только что вышедшей книжке «Николай Островский» совершенно правильно рассматривает творчество Н. Островского в связи с проблемами развития советской литературы.

Определяя место книги Островского в литературе, С. Трубецкой говорит: «Выражая самые чистые и светлые чаяния людей, литература все же была ограничена печальной правдой жизни».

Изображение трагической судьбы человека в литературе было правдивым, художественным отражением действительности, состраданием к угнетенному человечеству вдохновляло писателей на великие, оста-

лись в веках произведения. Но сама идея сострадания, подхваченная присяжными адвокатами и утешителями человечества, стала источником мерзости и гнусной лжи. Из слез, исторгнутых пленением и гибелью героев, эти люди поощено, как жалкие подрывники, строили мосты к примирению с действительностью. Слова о сострадании к «малым сим», к «меленькой братии», гнусная поповско-философская проповедь любви к «ближнему» и «альтнему» — все красочнее либерально-реакционного гуманизма было призвано для такого примирительного и утешительного сочувствия к страданиям человечества. Лживым самоутешением общество мстило уже поверженным героям. Трагедия сочувствовал фарс, пока он не был разоблачен новой общественной силой, выросшей в жгучей, неистонной ненависти к несчастью и горю людей. Не платонически или ханжески сочувствовать, а искоренять страдание, засматывать и сраывать с земли его отвратительные источники, проложить дорогу к счастью человечества — таково было отношение этих людей к особому складу к злу мира. Во главе этого нового человечества встал за Марксом и Энгельсом стал В. И. Ленин...

Все поколения ленинских борцов несут в себе эту отличительную черту пролетарского гуманизма. Отсюда рождается и новое, небылое отношение к собственному страданию. Такое необычное для человека прошлого отношение к постигнутому его несчастью сумел показать Н. Островский в «Как закалялась сталь».

Публицистическая работа С. Трубецкого написана с горячим и искренним волнением, страстно, а местами и с естественной злостью по адресу иных «любителей изысканной словесности», «литературных чиновников и околотитературных гувернанток».

«Для многих профессиональных пенителей, — пишет Трубецкой, — успех книги Островского оказался загадочным, непонятным, необъяснимым. В угрюмом недоуме-

нии стояли они перед литературным явлением, открывшим им шлях к построению. «Как закалялась сталь» не вмещалась в их мертвое представление об искусстве. И когда жизнь подхватила то, что они отвергли, они пытались найти утешение в объяснениях, вылазках с голой порочностью их позиций. Литературные слобы и чисто-писатели, для которых искусство — лишь полированная поверхность, увидели в «Как закалялась сталь» только увлекательную биографическую анкету. Успех книги они пытались объяснить интересом читателя к необычайной личной судьбе автора».

Привыкли ценить художественную литературу лишь по внешнему блеску, они увидели в книге Островского трюнкку жизни ее автора, а не волнующее, правдивое повествование о жизни целого поколения. Они были убеждены в том, что интерес к ней быстро угаснет и что в истории советской литературы книга не оставит никакого следа.

Люди, мыслящие себя хранителями культуры, полагают, что обшарпанное признание Николая Островского талантливым писателем оскорбительно для их эстетического вкуса. Готовые похвалить замечательный сюжет романа, они высокомерно и презрительно отыгались о его художественных достоинствах».

С этими мыслями нельзя не согласиться. Важным дополнением к ним являются те отравившие книжки, которые посвящены описанию литературной работы Островского. Ни физические страдания, ни радость промого успеха не ослабили суровой требовательности Островского к каждой своей строке. Вот его письмо к Шохоуху: «Я хочу прислать тебе рукопись первого тома «Родненных брдей», но только с одним условием: чтобы ты прочел и сказал то, что думаешь о сем сочинении. Только честности, — если не нравится, так и кричи!.. Знаешь, Миша, ишу честного товарища, который бы покрыл прямо в лицо. Наша братия, писатели, разучились говорить по душам, а друзья боится «обидеть». И это векохорошо. Хвалить — это только портить человека. Даже крепкую бутару можно обить с пути истинного, захламляя до бесцелуствия».

Настоящие друзья должны говорить правду, как бы она ни была остра, и пи-

сать надо больше о недостатках, чем о хорошем, — за хорошее народ ругать не будет».

Десятки книг, изученных Островским перед тем, как он начал диктовать «Родненных брдей», его конспекты и заметки дают представление о великой преданности писателя своему долгу.

Многое из того, что рассказывает С. Трубецкой об Островском, известно более или менее широко. Но ценность его работы по определению числом новых фактов. Собственно говоря, это книжка о новом типе писателя, мысли о советской литературе и ее исторической миссии, блестяще подтвержденные историей жизни и творчества Н. Островского.

Таким образом, Николай Островский продолжает жить не только как Павел Корчагин, но и как писатель, являя собой пример нового отношения художника к действительности, нового понимания роли искусства.

В книге приведены строки из воспоминаний человека, бывшего близким к Островскому, видевшего его в часы работы:

«...Что вы хмуритесь, товарищ Корчагин? Ведь написано же хорошо! — спрашивала милая Галя, его первый «секретарь».

— Нет, Галя, плохо.

...В безграничной ярости на жизнь, отягившую у него глаза, ломал карандаша, а на прикусивших губах выступали капельки крови».

Повыг писателя Островского, его героический труд и прекрасные книги — это то, чем советская литература должна гордиться. Когда наше искусство изображает в книгах духовный мир людей, которые, подобно Корчагину—Островскому, способны на любовь ивечно потому, что необычайно крепко связаны с жизнью, когда наша литература напишет о людях, которые готовы бросить вызов смерти, ибо в душе держат сознание вечности своего дела и народа, — тогда будут говорить, что писатель Островский был одним из тех, кто начал эту великую работу.

Его глаза были закрыты много лет. Но свет не погас для Николая Островского. Он никогда не померкнет,

ЛИТЕРАТУРА ГРУЗИНСКОГО НАРОДА

Отчетный доклад тов. Алио Машашвили

Товарищи! Мой отчетный доклад окв...

Нельзя утверждать, чтобы за это время...

Советским писателям пришлось бороться...

Почти все жанры нашей литературы...

С 1932 года в сельском хозяйстве произошли...

Характернейшей темой грузинской литературы...

Жизни и деятельности товарища Сталина...

Многократно разработана в нашей литературе...

Проблема роли и участия грузинской интеллигенции...

Грузия превратилась в передовую индустриально-аграрную страну...

класса. О людях социалистической индустрии...

Одной из главнейших тем является для нас...

Замечательный труд Лаврентия Берия...

Драма Павла Дадина «По искры» — художественная хроника...

Органической темой грузинской литературы...

Жизни и деятельности товарища Сталина...

Многократно разработана в нашей литературе...

Проблема роли и участия грузинской интеллигенции...

Грузия превратилась в передовую индустриально-аграрную страну...

ни «Поколение героев», В. Габескрия в своей...

Станиславская дружба народов давно уже...

В числе белорусских рассказов К. Лорткианидзе...

Самым узким местом в нашей литературе...

Надо остаточно встать и на работу редакций журналов...

Советским писателям созданы все условия для дальнейшего развития...

Нам необходимо неустанно работать над собой...

Память обо всем этом, Брюсов, однако, тут же забывал...

Эта короткая речь встретила восторженный отклик...

Покуда на груди земной Хоть с трудом дышать я буду...

В развешенную комиссию: тт. И. Лисавили, Д. Сулашвили, И. Вакел, В. Горгадзе...

29 сентября состоялось заседание пленума вновь избранного правления Союза советских писателей Грузии...

Пленумом с речью о задачах и методах работы нового руководства ССП Грузии выступили т. А. Фадеев...

Едино счастье — работа. В полях, за станком, за станком...

В. Брюсов. 1917 г. (из книги «Последние мечты»).

7 октября, за два дня до смерти, Валерий Яковлевич, помню, сам уже чувствовал, что он навсегда прикован к постели...

Смерть Брюсова для литературной Москвы была неожиданной. Незадолго перед тем, в декабре 1923 года...

Напомним, как отнесся он к близким оценкам его творческого пути. Его ответная речь в Академии художественных наук...

Поражала и восхищала его изумительная работоспособность. Ректор и профессор института, он был в то же время заведующим отделом художественного образования Главпрофобразования...

Почти постоянно он был чем-либо серьезно занят и, казалось, был неутомим. Иногда, впрочем, он жаловался на нехватку времени...

Память обо всем этом, Брюсов, однако, тут же забывал: «Слушая здесь, с эстрады, свои стихи, мои давние стихи, ...я все время качал головой и в самом себе критиковал...

Эта короткая речь встретила восторженный отклик со стороны собравшихся. Всем было известно, что последние пять лет своей жизни Брюсов посвятил главным образом воспитанию литературной молодежи...

Но дня в день могли мы следить за неутомимой работой Брюсова, направленной к развитию и укреплению его института — Высшего литературно-художественного института. В качестве его ректора он не только руководил институтом...

В первом часу ночи я увидел его в трамвае «Б» буквально спавшим: он возвращался домой с одного из таких засиделки.

Немыслимо было без высокой культуры труда справиться со всем тем, что успевал делать Валерий Яковлевич. Такой культурой, неразрывно связанной с широким кругозором, с редкой научной осведомленностью, он обладал в исключительной мере...

Говоря об учености Брюсова, следует коснуться, кстати, распространенного предрассудка, будто Брюсов-ученый мешал Брюсову-поэту, будто в силу сочетания в нем этих свойств он излишне усложнял и — мало того — вымучивал свои стихи...

Не как пришел на римский форум И приходил в страну могил, Но как в знакомый мир, с которым Одной душой когда-то жил.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БРЮСОВЕ

тора он не только руководил институтом: не раз бывал он вынужден во всеоружии отстаивать в кругу работников Наркомпроса право на существование этого института...

Руководя специальными учебно-творческими занятиями, Валерий Яковлевич не допускал сколько-нибудь менторского тона, не подавал своим авторитетом. Шла индивидуальность каждого, мягко подчеркивая те или иные стороны и промахи, он умел превращать весь класс в дружную творческую лабораторию...

Пример Брюсова действовал и на других наших учителей, и это выказывало своеобразный отпечаток на жизнь института в целом. Дом 52 на улице Воробьевской привлекал нас не только знаниями, которые мы там приобретали, но и атмосферой товарищеской спайки между профессорами и студентами...

Мое общение с Валерием Яковлевичем не ограничивалось учебно-академическими отношениями. Мне посчастливилось два года работать вместе с ним в Литературно-художественном институте...

Поражала и восхищала его изумительная работоспособность. Ректор и профессор института, он был в то же время заведующим отделом художественного образования Главпрофобразования...

Почти постоянно он был чем-либо серьезно занят и, казалось, был неутомим. Иногда, впрочем, он жаловался на нехватку времени и даже на усталость. Но это происходило только после того или иного заседания и только при условии, если он находил заседание бесплодным...

В связи с исполнявшимся 9 октября 15-летием со дня смерти В. Я. Брюсова президиум Союза советских писателей образовал комиссию для организации чествования его памяти.

Комиссией разработана обширная программа чествования памяти поэта. Организуется серия докладов о разносторонней литературной и общественной деятельности В. Я. Брюсова, в частности в старших классах средней школы.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В годовщину смерти поэта на его могиле состоится траурный митинг. В Большой аудитории Политехнического музея будет проведен большой литературный вечер памяти поэта, на котором выступят с воспоминаниями о В. Я. Брюсове его друзья и ученики.

Комиссия признала необходимым ускорить издание 12-томного собрания сочинений В. Я. Брюсова, издаваемого издательством «Художественная литература», и оперативно избранных стихов поэта. Вместе с тем постановлено возбудить вопрос о подготовке полного академического собрания сочинений В. Я. Брюсова и о постановке в Москве памятника поэту.

В первом часу ночи я увидел его в трамвае «Б» буквально спавшим: он возвращался домой с одного из таких засиделки.

Немыслимо было без высокой культуры труда справиться со всем тем, что успевал делать Валерий Яковлевич. Такой культурой, неразрывно связанной с широким кругозором, с редкой научной осведомленностью, он обладал в исключительной мере...

Говоря об учености Брюсова, следует коснуться, кстати, распространенного предрассудка, будто Брюсов-ученый мешал Брюсову-поэту, будто в силу сочетания в нем этих свойств он излишне усложнял и — мало того — вымучивал свои стихи...

Не как пришел на римский форум И приходил в страну могил, Но как в знакомый мир, с которым Одной душой когда-то жил.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

Пам представляется совершенно бесспорным обратное положение — что в Брюсове ученый помогал художнику и художник — ученому.

ЗАКРЫЛСЯ II СЪЕЗД ССП ГРУЗИИ

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). На утреннем заседании 26 сентября начались прения по докладам тт. А. Машашвили, Ш. Дадина и С. Чиковани...

На съезде с большой речью выступил тов. А. Фадеев. Он положительно оценил работу съезда и указал, что творческие вопросы должны быть поставлены еще глубже и шире...

Вечером 28 сентября происходили выборы правления ССП Грузии, правления Литфонда и ревкомиссии. Таинным голосованием в правление ССП Грузии избраны следующие писатели: Л. Квачели, Н. Гришашвили, Ш. Дадина, В. Гавришашвили, Т. Табидзе, А. Абашидзе, С. Чиковани, Р. Гветадзе, Г. Кякодзе, С. Шанишашвили, Ш. Ракиани, П. Ингорюва, Н. Накашидзе, Г. Леонидзе, С. Кляшвили, И. Абашидзе, Д. Квицини, Х. Плев, Д. Шенгелая, С. Зули, Марияжан, И. Мосавили, П. Лория, К. Лорткианидзе, А. Гомнашвили, Д. Бенашвили и В. Жентри.

Последней на этом заседании выступила писательница Е. Микадзе. На вечернем заседании 26, 27 и утром 28 сентября продолжались прения по докладам...

На съезде с большой речью выступил тов. А. Фадеев. Он положительно оценил работу съезда и указал, что творческие вопросы должны быть поставлены еще глубже и шире...

Вечером 28 сентября происходили выборы правления ССП Грузии, правления Литфонда и ревкомиссии. Таинным голосованием в правление ССП Грузии избраны следующие писатели: Л. Квачели, Н. Гришашвили, Ш. Дадина, В. Гавришашвили, Т. Табидзе, А. Абашидзе, С. Чиковани, Р. Гветадзе, Г. Кякодзе, С. Шанишашвили, Ш. Ракиани, П. Ингорюва, Н. Накашидзе, Г. Леонидзе, С. Кляшвили, И. Абашидзе, Д. Квицини, Х. Плев, Д. Шенгелая, С. Зули, Марияжан, И. Мосавили, П. Лория, К. Лорткианидзе, А. Гомнашвили, Д. Бенашвили и В. Жентри.

Вечером 28 сентября происходили выборы правления ССП Грузии, правления Литфонда и ревкомиссии. Таинным голосованием в правление ССП Грузии избраны следующие писатели: Л. Квачели, Н. Гришашвили, Ш. Дадина, В. Гавришашвили, Т. Табидзе, А. Абашидзе, С. Чиковани, Р. Гветадзе, Г. Кякодзе, С. Шанишашвили, Ш. Ракиани, П. Ингорюва, Н. Накашидзе, Г. Леонидзе, С. Кляшвили, И. Абашидзе, Д. Квицини, Х. Плев, Д. Шенгелая, С. Зули, Марияжан, И. Мосавили, П. Лория, К. Лорткианидзе, А. Гомнашвили, Д. Бенашвили и В. Жентри.

Я. РЫКАЧЕВ

«ТАХОМА»

Законы развития человеческого общества имеют столь же всеобщий характер, как и законы природы. Воля в Японии кипит при тех же ста градусах, что и в Европе, и никакие заклипания не в силах изменить этого непреложного факта...

Как известно, одинаковые причины рождают одинаковые следствия. Совершенно естественно, что обитатели полинии религиозного романа о современной Японии — при известной разности колорита — должны походить на обитателей буржуазного европейского романа. И в самом деле, в романе Далецкого нет ни одного типа, которому нельзя было бы подыскать аналогий в европейском романе...

Павел Далецкий. Тахома. Роман. Гос. Изд-во «Художественная литература». Ленинград, 1939.

литативной азиатской душе, а законы общественного развития, открытые Марксом, неотвратимо делают свое дело. Все социальные категории не только оказались на своих местах, но и в тех самых соотношениях, в которых им полагается быть на данном этапе развития. Крушая буржуазия, прибирающая к рукам все богатства страны, феодаль-помещики, более или менее удачно приспособившиеся к новому порядку вещей, революционный пролетариат, мелкая буржуазия, мечущаяся между крупной буржуазией и пролетариатом, год от году нишащее крестьянство...

Тогда процесс общественного развития не привел там к созданию классического пейзажа капиталистического города: всевластные банки, конторы, склады, универмаги, продажная пресса, тайная полиция, яростно защищающая интересы собственников, казармы, где учатся измученные мушкетеры рабоче-крестьянских сынов, фабрики, выматывающие все силы из рабочих и работниц, дворян, трубочим, армия безработных. Литераторы болтали о

литативной азиатской душе, а законы общественного развития, открытые Марксом, неотвратимо делают свое дело. Все социальные категории не только оказались на своих местах, но и в тех самых соотношениях, в которых им полагается быть на данном этапе развития. Крушая буржуазия, прибирающая к рукам все богатства страны, феодаль-помещики, более или менее удачно приспособившиеся к новому порядку вещей, революционный пролетариат, мелкая буржуазия, мечущаяся между крупной буржуазией и пролетариатом, год от году нишащее крестьянство...

литативной азиатской душе, а законы общественного развития, открытые Марксом, неотвратимо делают свое дело. Все социальные категории не только оказались на своих местах, но и в тех самых соотношениях, в которых им полагается быть на данном этапе развития. Крушая буржуазия, прибирающая к рукам все богатства страны, феодаль-помещики, более или менее удачно приспособившиеся к новому порядку вещей, революционный пролетариат, мелкая буржуазия, мечущаяся между крупной буржуазией и пролетариатом, год от году нишащее крестьянство...

Тогда процесс общественного развития не привел там к созданию классического пейзажа капиталистического города: всевластные банки, конторы, склады, универмаги, продажная пресса, тайная полиция, яростно защищающая интересы собственников, казармы, где учатся измученные мушкетеры рабоче-крестьянских сынов, фабрики, выматывающие все силы из рабочих и работниц, дворян, трубочим, армия безработных. Литераторы болтали о

литативной азиатской душе, а законы общественного развития, открытые Марксом, неотвратимо делают свое дело. Все социальные категории не только оказались на своих местах, но и в тех самых соотношениях, в которых им полагается быть на данном этапе развития. Крушая буржуазия, прибирающая к рукам все богатства страны, феодаль-помещики, более или менее удачно приспособившиеся к новому порядку вещей, революционный пролетариат, мелкая буржуазия, мечущаяся между крупной буржуазией и пролетариатом, год от году нишащее крестьянство...

решают, обычно, свое бытие господствующим классом. Отсюда именно и берет начало «загадочная душа Ниппона». Дело в том, что в Японии эта социальная мифология особенно плотна, и хотя ее так же расплывчатость сейчас по всем швам, господствующие классы отнюдь не собираются сдвинуть ее в архив истории, а старательно чинят, латают и подновляют. Японский феодализм создал свою мифологию не только для обмана масс, но и для самообмана; японская буржуазия вкупе с современными феодалистами использует эту обветшалую мифологию исключительно для отлучения масс; банкам, бирже, индустрии, содержащим публичных домов, продающим генералам, депутатам и редакторам — сказки о божественном назначении японского народа просто-напросто смешны; но они настоятельно заинтересованы в том, чтобы попутствуя рабочим и крестьянам эти сказки играли историческое прошлое. Японские господствующие классы вполне сознательно поддерживают теперь легенду о «загадочной душе Ниппона».

Нельзя же в самом деле объявить армию — сыном народа, что они призваны умирать и убивать своих китайских братьев во имя пополнения кошельков торговцев и во славу генералов-помещиков! Феодализм Ямагавы, старый гундец, с оружием в руках сражался против государственной полиции и против торговцев, но после своей смерти он был в прорыве тех же торговцев объявлен великим «рыцарем-самураем», впаившим в заблуждение по своей своей наивности и душевной чистоте...

Книга советского писателя Далецкого очень тонко и остроумно обнажает социальную структуру современной Японии от всякой и всяческой мифологии, и таинственной «страны восходящего солнца» предстает читателю как поле жесточайшей классовой борьбы, в тех же формах, которые впервые открыты Марксом, а для со-

временного исторического этапа исследования и установлены Лениным и Сталиным. Вот откуда идет эта «прозрачная ясность» социального видения, составляющая замечательную особенность советской художественной литературы.

Роман Павла Далецкого написан с полным знанием дела, это не домкрат, а живое постижение. Книгу отличает глубокая серьезность, умная и содержательная ironia, четкость и законченность художественных характеристик, прекрасное чувство меры. Написать хорошую и точную книгу о чужой стране, и притом столь своеобразной стране, как Япония, — дело трудное. Оригинальное построение книги позволило автору без всякой композиционной натяжки показать в разрезе всю социальную структуру Японии, все классы и все прослойки, борьбу людей и борьбу идей. Автор с равной пронзительностью постигает душевный мир крестьянина и писателя, феодаля и торговца, мужчины и женщины. Образы его течет не прамаложенно — все образы романа сложены в лучшем смысле этого слова, пути людей выявлены, то читатель легко идет по этим путям, ибо это знакомые ему пути жизни.

Образы романа запоминаются крепко. Вот инициалы крестьянина Савамура, резервист, бывший участник русско-японской войны; он тяготеет к «своему» помещику Ямагавы, под началом которого сражался некогда на полях Манчжурии; ему кажется, что и у него было какое-то прекрасное, сытое прошлое, какое-то доброе, старое время, когда не было ни ростков, ни полиция, ни голод; жалкий раб феодаля, он отравлен его незлой идеологией и готов идти за ним в огонь и в воду. Но долгая классовая борьба выводит его, в конце концов, на правильную дорогу, — вы-

ведет она все многомиллионное, нищее японское крестьянство.

Прекрасно сделаны женские образы романа: крестьянка Омицу и Намиго, жены торговцев — Охари и Осену. Сатирический талант автора сказывается в образе писателя Хитоку и в прозаической сцене заседания съезда «необудитов». У уже не говорю о самурае Ямагавы — образ этого иступленного и злого Дон-Кихота современной Японии продуман и разработан до мельчайших деталей. Автор не боится гротеска, и гротеск придает иным его персонажам еще большую выразительность и законченность. Наиболее слабым мне кажется образ коммуниста Юмею — он лишен внутреннего механизма, и социальная обусловленность его не доказана.

Позавательное значение книги Далецкого трудно переоценить. С исключительной ясностью, отчетливостью и широтой едва ли не впервые в мировой художественной литературе раскрывает она «загадочную душу Ниппона», открывая, как жалкую ветшину, пестроточенную мифологическую ткань, которой японские господствующие классы пытаются прикрыть свою слабость. И хотя советский читатель владеет самой современной социальной алгеброй — марксистским методом — и его не проведешь никакими «сдвостройками», художественное разоб

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

«Искусство и жизнь». Так называется ежемесячный ленинградский журнал, посвященный вопросам театра, музыки, кинематографии, цирка, эстрады, изобразительного искусства и художественной самодеятельности.

Искусство и жизнь. Вот, казалось бы, прекрасный девиз для такого журнала, вот ясное и точное определение его программы. Но, увы, название журнала может служить для его сотрудников лишь постоянным напоминанием о проблемах, в которых они даже близко не походят. Реже всего в этом журнале вспоминают о том, что искусство — зеркало жизни, что жизнь — критерий истинности и совершенства художественных творений. Произведения искусства сравниваются в журнале с чем угодно — с идеями авторов статей, требованиями нормативной эстетики, наконец, с другими произведениями искусства, но никогда — с жизнью. От чего это происходит?

В одной из передовых статей журнала критиков справедливо упрекают в том, что они зачастую рассказывают лишь о сюжетах, избранных художниками. «А о том, как изображены эти события и люди... об этом обычно не говорят». Можно с полным правом предвзвешивать журнал противоположный упрёк: авторы большинства критических статей не считают для себя обязательным рассматривать, что изображается художником. Ино, впрочем, что, пренебрегая конкретным, жизненным содержанием художественных произведений, невозможно по-настоящему решать и эстетические проблемы.

Не пора ли вспомнить о настоятельной необходимости эстетическую критику совмещать с критикой публицистической? Не пора ли нашим критикам поговорить о жизни, о том, какие проблемы ставят жизни перед художниками, и о том, какое отражение получают эти проблемы в произведениях искусства?

Боевой, публицистической статьи по найдешь в журнале «Искусство и жизнь». Есть острые статьи, написанные без колебаний по адресу иных директоров театров и режиссеров, попадаются, хотя и не слишком часто, дерзкие рецензии (например, статьи Л. Малыгина, С. Цимбалы, С. Дрейден). Но большинство авторов никак не может выйти из заколдованного круга «эстетических» вопросов.

В статье «Биография нашего современника» И. Гринберг («Искусство и жизнь» № 5) устанавливает, что во всех пьесах, фильмах и повестях последних лет авторы «пытаются решить одни и те же задачи». Каковы же, по мнению И. Гринберга, эти общие советскому искусству задачи? Оказывается, «определенность повествования, четкость, определенность и в то же время сложность образа, напряженность и естественность конфликтов, коллизий произведения». Трудно придумать ответ более общий и беспредельный. В этой же статье И. Гринберг утверждает, что «значение художника пропорционально размеру мира, открытого им, изображенного в его произведении». Следует сказать по этому поводу, что значение критика обратно-пропорционально схоластичности его суждений об искусстве.

В том же номере журнала в разделе «Теория» помещена статья Е. Дюбина «Об истоках социалистического реализма». Так как в других номерах журнала нет этого раздела, то статья Е. Дюбина, видимо, является единственной, которую редакция решила отнестись к числу теоретических статей.

В статье Е. Дюбина перечислены шесть признаков социалистического реализма (правдивость, перспективность, партийность, народность, героичность, оптимизм). Помешана статья Е. Дюбина, редакция, очевидно, полагала, что с помощью этого «опознавательного ключа» любой читатель сможет легко отличить произведение реалистическое от нереалистического. Е. Дюбин точно указывает, что «неразрывное сочетание указанных шести особенностей» является обязательным для стиля социалистического реализма. Схематическая «номенклатура» Е. Дюбина способна вызвать лишь путаницу в головах читателей.

Когда журнал выходит из круга своих обычных тем и касается, например, проблемы политического воспитания актёра; то рассуждения ведутся в таком стиле: «В деле изживания всех этих психозов у нас недостатков и должно играть огромную роль...»

Немудрено, что критика, привычная к косноязычной схоластике, не всегда в состоянии по заслугам оценить конкретное произведение искусства. Спектакль «Опасный поворот» в театре Момеши был встречен в ленинградской печати гулом восхищения. Журнал «Искусство и жизнь», поместив статью режиссера Г. Козинцева о пьесе Пристли, вернувшись к оценке пьесы и спектакля в следующем номере. В передовой статье сказано, что постановка «Опасного поворота» кинематографична и вместе с тем театральна, но что «Опасный поворот» следовало ставить не как американскую, а как английскую пьесу. Не обяснив, как это надлежит понимать, журнал отмечает далее, что достоинство «Опасного поворота» в том, что это спектакль со своим лицом, со своей идеей, — спектакль, который сам по себе может стать предметом широкой творческой дискуссии. Однако каково лицо этого спектакля, какова идея, — в передовой статье ни слова.

«А «слово» этого спектакля не такое уж «свое», — оно очень напоминает так называемые «салонные» постановки, давшие уже сошедшие — и слава богу, что сошедшие — с нашей сцены. Сатира на буржуазное общество, замучающая Г. Козинцевым, не получилась, а получилась стильное постановочное представление на тему «Как разлагается буржуазия». Стремление во что бы то ни стало «сатирически заострить» образы пьесы, Г. Козинцев добился лишь того, что все происходящее в пьесе стало носить малопривлекательный, утилитарный, аналитический характер. Что же касается идеи спектакля, то она крайне неясна. Зрителям показывается два варианта финала пьесы, после чего представляется самим решить, что лучше: правда или ложь? Судя по тому, каких бед наделала действующим лицам правда, ложь, выходит, лучше. Лучше заниматься фротством, чем покаянием. И идея эта, пожалуй, не «своя», а самого Пристли, хотя у Пристли нет покаяния. Наверно решается журналом, выражаясь его словами, «проблема сочетания политически актуальной темы с художественным мастерством решения этой темы...» Журнал не ведет последовательной борьбы за современную тему и даже склонен несколько пренебрежительно называть актуальные темы «дежурными». В передовой статье шестого номера журнал пишет: «Была целая серия пьес о вредительстве. Потом — целая серия пьес о шпионах. Сейчас появляется новая серия — о клеветниках. Слово вот, ничего плохого нет в том, чтобы была написана история пьесы, разоблачающая художественными средствами отрицательную фигуру клеветника. Но почему нужно, чтобы пьесы о клеветниках шли на сцену «скользя»?»

Такие рассуждения о «скользях» способны лишь отвлечь читателей от современных тем. Нужна конкретная критика неудачных произведений и вредительства, о шпионаже, о клеветниках, но нет ничего предосудительного в том, что наши драматурги берутся за эти темы.

Неумную ретивость проявила Р. Мессер, отыскавшая «космакряковщину» чуть ли не во всех произведениях современной драматургии. «Космакряковщина», — пишет она, — существует у нас, увы, не только в пьесах о поруганных, о разоблачении шпионов и вредителей, — она процветает и в весьма мирных бытовых пьесах и романах». Дальше идет список «космакряковщины», по мнению автора статьи, дейный: переливание крови, прилет самолетов в самую катастрофическую для героев минуту, колхозница, спасающая урожай от агронома-вредителя...

Не пора ли кончать с этой политически вредной... «терминологией»? Как можно с подобным пренебрежением говорить о произведениях самоотверженности, героизма, патриотизма советских людей? Удивительный образец политического недомыслия.

Когда журнал выходит из круга своих обычных тем и касается, например, проблемы политического воспитания актёра; то рассуждения ведутся в таком стиле: «В деле изживания всех этих психозов у нас недостатков и должно играть огромную роль...»

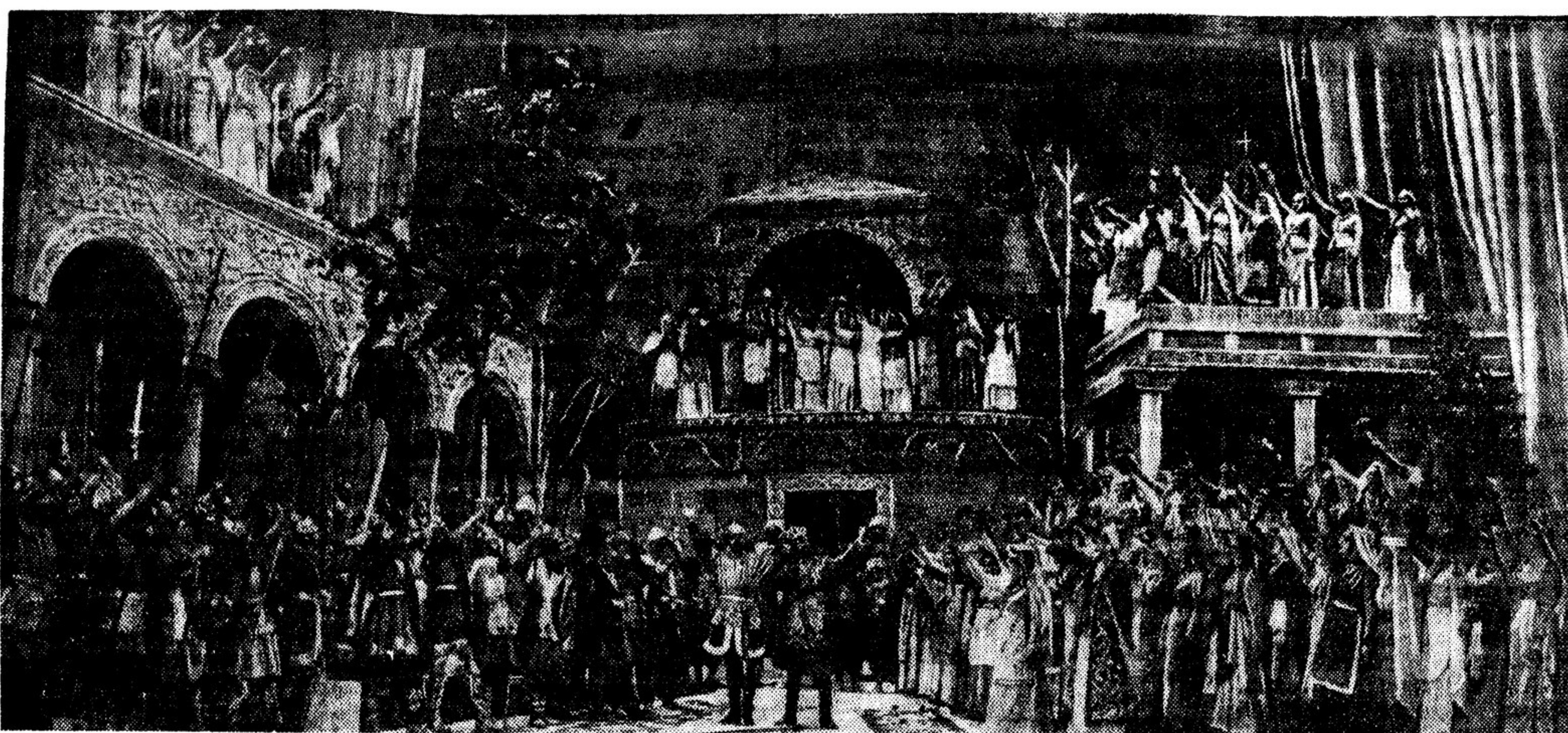
Немудрено, что критика, привычная к косноязычной схоластике, не всегда в состоянии по заслугам оценить конкретное произведение искусства. Спектакль «Опасный поворот» в театре Момеши был встречен в ленинградской печати гулом восхищения. Журнал «Искусство и жизнь», поместив статью режиссера Г. Козинцева о пьесе Пристли, вернувшись к оценке пьесы и спектакля в следующем номере. В передовой статье сказано, что постановка «Опасного поворота» кинематографична и вместе с тем театральна, но что «Опасный поворот» следовало ставить не как американскую, а как английскую пьесу. Не обяснив, как это надлежит понимать, журнал отмечает далее, что достоинство «Опасного поворота» в том, что это спектакль со своим лицом, со своей идеей, — спектакль, который сам по себе может стать предметом широкой творческой дискуссии. Однако каково лицо этого спектакля, какова идея, — в передовой статье ни слова.

«А «слово» этого спектакля не такое уж «свое», — оно очень напоминает так называемые «салонные» постановки, давшие уже сошедшие — и слава богу, что сошедшие — с нашей сцены. Сатира на буржуазное общество, замучающая Г. Козинцевым, не получилась, а получилась стильное постановочное представление на тему «Как разлагается буржуазия». Стремление во что бы то ни стало «сатирически заострить» образы пьесы, Г. Козинцев добился лишь того, что все происходящее в пьесе стало носить малопривлекательный, утилитарный, аналитический характер. Что же касается идеи спектакля, то она крайне неясна. Зрителям показывается два варианта финала пьесы, после чего представляется самим решить, что лучше: правда или ложь? Судя по тому, каких бед наделала действующим лицам правда, ложь, выходит, лучше. Лучше заниматься фротством, чем покаянием. И идея эта, пожалуй, не «своя», а самого Пристли, хотя у Пристли нет покаяния. Наверно решается журналом, выражаясь его словами, «проблема сочетания политически актуальной темы с художественным мастерством решения этой темы...» Журнал не ведет последовательной борьбы за современную тему и даже склонен несколько пренебрежительно называть актуальные темы «дежурными». В передовой статье шестого номера журнал пишет: «Была целая серия пьес о вредительстве. Потом — целая серия пьес о шпионах. Сейчас появляется новая серия — о клеветниках. Слово вот, ничего плохого нет в том, чтобы была написана история пьесы, разоблачающая художественными средствами отрицательную фигуру клеветника. Но почему нужно, чтобы пьесы о клеветниках шли на сцену «скользя»?»

Такие рассуждения о «скользях» способны лишь отвлечь читателей от современных тем. Нужна конкретная критика неудачных произведений и вредительства, о шпионаже, о клеветниках, но нет ничего предосудительного в том, что наши драматурги берутся за эти темы.

Неумную ретивость проявила Р. Мессер, отыскавшая «космакряковщину» чуть ли не во всех произведениях современной драматургии. «Космакряковщина», — пишет она, — существует у нас, увы, не только в пьесах о поруганных, о разоблачении шпионов и вредителей, — она процветает и в весьма мирных бытовых пьесах и романах». Дальше идет список «космакряковщины», по мнению автора статьи, дейный: переливание крови, прилет самолетов в самую катастрофическую для героев минуту, колхозница, спасающая урожай от агронома-вредителя...

Не пора ли кончать с этой политически вредной... «терминологией»? Как можно с подобным пренебрежением говорить о произведениях самоотверженности, героизма, патриотизма советских людей? Удивительный образец политического недомыслия.

В декаду армянского искусства, Ереванский театр оперы и балета подготовил новую постановку оперы А. А. Спендиарова «Алмаст», написанную на сюжет поэмы классика армянской литературы Ованеса Туманяна — «Вянтэ Тмбакерта». Постановка молодого режиссера Г. Ованесяна. Опера оформлена народным художником Армении Мартыросом Сарьяном. На снимке: сцена из 2-го акта оперы «Алмаст» — «Возвращение к боям Татула и Рубена». В центре артист П. Лисициан (справа) в роли Татула и Д. Погосян в роли Рубена

А. ГЛЕБОВ

ОБ ОДНОАКТНОЙ ПЬЕСЕ

Использовавших неприязнительные, халтурные скетчи. Под напором «Синей блузы» одноактная пьеса одно время была изгнана и с самодеятельной сцены. Так выросло целое поколение писателей и актеров, считающих одноактную пьесу чем-то чуть ли не зазорным.

Лишь в прошлом году в Москве возник государственный Театр эстрады и миниатюр. Создательские показательные театры одноактных пьес при Центральном доме художественной самодеятельности ВЦСПС и в Доме народного творчества им. Крупской. Такие же театры и ансамбли возникают в других городах. Известные актеры начинают выступать в одноактных пьесах, включаемых в эстрадные программы. Все это как будто подтверждает, что «честное имя» многострадального жанра наконец восстановлено.

Самодельное искусство достигло в нашей стране небывалого в истории развития. Лучшие коллективы ставят Шекспира, Мольера, Островского, Горького и т. д. и ставят иной раз не хуже среднего профессионального театра. У нас сотни замечательных рабочих, колхозников и красноармейских клубов. Но, горясь всем этим, мы не имеем права забывать, что художественная самодеятельность — движение громадное по масштабам, многослойное и пестрое. Очень легко сослаться на постановку «Ромео и Джульетты» в клубе им. Осовнахи или «Укрощение строптивой» у каучуковцев и на этом основании говорить: «Рабочие коллективы играют Шекспира! О каком же особом репертуаре для них может идти речь!» Однако не следует забывать, что так успешно ставят Шекспира, Горького и т. п. под силу, примерно, 1 000 коллективов. Как абсолютная цифра — это грандиозно. Как процент — это ничтожно, ибо тысяча — это всего лишь один процент к ста тысячам драмкружков, которые существуют в нашей стране. Несколько десятков тысяч драмкружков в состоянии более или менее удовлетворительно справиться с текущим советским репертуаром. А другие, огромное их большинство? Они рассчитывают не свыше 15—20 кружковцев, не располагая ни опытом, ни квалифицированным руководством, ни достаточными материальными ресурсами. Для этих-то кружков одноактные пьесы представляют особую ценность.

Вскоре начнутся выборы в местные Советы депутатов трудящихся, новая политическая кампания огромной важности. Это сделало издательство «Искусство» 22 августа оно разослало многим драматургам письмо, в котором сообщало, что готовит к печати «серию одноактных пьес на тему Советская Конституция и выборы

в Советы». Авторы приглашали «срочно» принять участие в этом деле и дать письма... к 5 сентября. Неужели авторы письма все еще исходили из предположения, что писатели смогут дать совершенно законченные, полноценные художественные пьесы в течение двух недель?

Все дело в том, что до сих пор этим делом не занимались многие наши писатели. Известны опыты в области одноактной пьесы К. Тренева, М. Зощенко, Н. Погодина. А все другие более или менее значительные имена? Они отсутствуют, представляя поле соревнования в распоряжение халтурщиков и малоодаренных людей. И вот приходит в изд-во «Искусство» тов. И. Горев, приспосабливая к зарубежному тону. Ему говорят, что эта пьеса сейчас не имеет шансов быть напечатанной. Через несколько дней самоуверенный автор приносит ту же пьесу вновь и сообщает, что действие ее перенесено... в другую часть света. И на этот раз пьеса Горева была отбита.

Под какие широты теперь поместит автор своих многострадальных героев? Угадать трудно, но это с одинаковой легкостью может быть и Патагония и Центральная Африка. Как бороться с такими фактами? Только, конечно, хорошей, подлинно художественной пьесой, из которой «слова не выкинешь».

К сожалению, и единственный пока в Москве профессиональный Театр миниатюр, который мог бы сделать чрезвычайно много, чтобы привлечь к работе над одноактными пьесами настоящих мастеров слова, очень мало сделал для этого. Многих зато он сумел оттолкнуть от себя. Такую сильную пьесу, как «Тайна» Сендера, умудрился провалить.

Большую роль могли бы сыграть и толстые журналы, если бы они проявляли постоянный интерес к одноактной пьесе и приставали к работе над ней лучших писателей.

Очень ценное предложение прозвучало недавно на одном из собраний драматургов: настало, чтобы Всесоюзный комитет по делам искусств обязал все профессиональные театры перефигурировать в течение сезона показывать программу из одноактных пьес (на первых порах хотя бы классических), как это делают и делают уже некоторые московские театры (Театр сатиры, Вахтанговский и др.).

Надо надеяться, что и объявленный конкурс выдвинет ряд новых имен. Может быть, и сейчас мы можем рассчитывать на тех будущих драматургов, о которых писал Антуан, ждавший от них «красочной одноактной пьесы, полной драматизма и высокоинтересной».

Нечего говорить о том, что все сложные и трудные вопросы пушкинской идеологии и пушкинского творчества решаются автором с необыкновенной легкостью, причем никакие противоречия не смущают его. Заявления о «разоблачительной» задаче пушкинского театра, о том, что Пушкин якобы смотрел на театр как на «кафедру, с которой можно много добра сказать миру», не мешают ему через несколько страниц заявлять: «Публицистический, антишекспировский метод в драматургии был совершенно чужд Пушкину».

Не будучи проводником других многочисленных примеров. Десятки страниц в книге заняты пересказыванием вещей, прямого отношения к теме не имеющих, — тут и отрывки биографии Пушкина, и обзор его роли и личности — с удивительными «открытиями», например, что «Гаврииллада» (прямое подражание антирелигиозным поэмам Парни и Вольтера) «свидетельствует... о полной самостоятельности и своеобразии творческих устремлений Пушкина», или что в «Пылагах» Пушкин «обнажил» «всю нереальность (?) насилия и преступлений как практического средства найти выход из созданных тираннической культурой условий существования»; тут и экскурс в историю Франции, и рассуждение о французской литературе XVII и XVIII веков и т. д. И все это длинно, с постоянными повторениями и возвращением. В то же время на все маленькие трагедии Пушкина отведено 10 страниц. Но в этих десяти страниц автор хвастал, что бы наговорить самых невероятных вещей! Помимо уже приведенного разделения разоблачительного смысла маленьких трагедий, мы тут узнаем, например, что в «Моцарте и Сальери» «гробнет» не Моцарт, а Сальери — за то, что он «своей посредственным талантом хранил для «избранных», боится соревнования. «...не хочет это искусство показать народу»... Откуда взял эти сведения Н. Н. Арденс — неизвестно. Кстати, у Пушкина об «избранных» («Нас мало избранных, счастливых правых») говорит не Сальери, а Моцарт. Моцарт же «отрешивается» за то, что он «от-

дает свое дарование людям, народу, которого он не чувствует», за то, что он «любит всех этих «негодных малюров» (?), «заязжих филаров» (у Пушкина «филар презренный») и т. п. Тут мы узнаем, что муки совести скупого барона — это лицемерие, так же, как и слезы Сальери, и что цель Пушкина — разоблачить это лицемерие; что председатель «Ипра во время чумы», который у Пушкина говорит о себе —

Я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознанием беззакония моего
и т. д.

— оказывается, «противопоставляет фари-сейской морали священника... свое материалистическое (!!) восприятие жизни». «Он любит жизнь, — восклицает Н. Н. Арденс, — и жаждет ее радостей, и поэтому (?) им «не страшна могилы тьма»...»

Немудрено, что при таком методе толкования Н. Н. Арденс очень просто расширяется с вопросом о сценности пушкинских пьес. Оказывается, все дело в том, что «представления о сценности в эпоху Пушкина резко расходились с... требованиями, предъявляемыми к театру поэтом». А теперь, будто бы, для советского зрителя «эта правда, эти типичные черты прошлого, представленные в типичных обстоятельствах, это высокохудожественное правдоподобие характеров и положений и обуславливают все то, что называется «сценностью». Так Н. Н. Арденс одним ударом уничтожает различие повествовательного и драматического жанра.

Стремясь все время опираться предшествовавшую ему науку, Н. Н. Арденс не стесняется средствами. «Сценах из рыцарских времен» он сообщает: «В литературоведении отмечена зависимость этих «Сцен» от... пьесы Пр. Мериме «Дакерия». В списке он указывает, что имеет в виду комментарий к VII тому полного академического издания Пушкина. «Одна-

Юбилейные сессии Института литературы Академии наук СССР

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В октябре 1939 г. Институт литературы Академии наук СССР проводит научную сессию, посвященную 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. На сессии будут сделаны и обобщены доклады: В. Кириллова — «Политические мотивы в творчестве Лермонтова», Б. Шкелбага — «Художественная проблематика Лермонтова», Б. Неймана — «Лермонтов и декабристы», В. Мануйлова — «Проблема научной биографии Лермонтова», И. Андроникова — «Лермонтов в Грузии в 1837 г.», Н. Бродского — «Лермонтов-студент и его товарищи», Яковина (зав. музеем Лермонтова в Пятигорске) — «О музейной и архивной работе по изучению жизни Лермонтова на Кавказе». Сессия продлится 3—4 дня. Материалы сессии предположительно опубликовать в специальном сборнике.

20 октября в Институте литературы Академии наук СССР откроется сессия, посвященная к 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского. Доклад «Ленин о Чернышевском» сделает член-корреспондент Академии наук СССР Ц. Лебедев-Полянский. С докладами выступят также: В. Десницкий («Чернышевский как художник»), Л. Плоткин («Эстетика Чернышевского») и член-корреспондент Академии наук СССР Н. Писанов («Общественная борьба вокруг диссертации Чернышевского»).

АНТОЛОГИЯ ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СТАЛИНАБАД. (От наш. корр.). В этом году впервые на таджикском языке выходит большая антология «Образцы таджикской литературы». В антологии будет представлена в основных своих образцах многовековая таджикская литература, начиная с конца IX и до начала XX в., дореволюционный и советский фольклор таджикского народа, а также советская литература Таджикистана.

Антология дана в набор и выйдет к 10-летию Таджикской ССР.

ОПЕРА «ГАЛИЯ-БАНУ»

В Казанском оперном театре состоялся общественный просмотр новой татарской оперы «Галия-Бану». Музыка оперы написал композитор Мансур Музафаров, текст либретто составил поэт Ахмет Ернеев по одноименной пьесе татарского классика Мирхайдары Файзи.

С. БОНДИ

Драматургия Пушкина

Пушкин сочинил для театра в течение всей своей жизни, начиная с детства, когда он, по свидетельству его сестры, «импровизировал маленькие комедии и сам разыгрывал их», и кончая писанной за полтора года до смерти драмы о крестьянском восстании, известной под названием «Сцены из рыцарских времен».

Задача исследователя драматургии Пушкина, если он не стоит на точке зрения «специальности», чистой «литературности» пушкинских пьес, — вскрыть и точно охарактеризовать особенности пушкинского театра, проследить все этапы его драматургического пути, выяснить причины резкости поворотов этого пути, исследовать связь драматургии Пушкина в ее специфических чертах со всем его литературным наследием, и с развитием его мировоззрения, и, наконец, выяснить, как вылилась на творчество Пушкина-драматурга мировая драматургия...

Если читатель обратится за разрешением этих вопросов к тому, что vyšшел в свет книге Н. Н. Арденса «Драматургия и театр Пушкина», то он будет глубоко разочарован.

Эта книга производит странное и малопривлекательное впечатление. Чем больше читаешь, ее (в ней свыше 280 страниц), тем дальше углубляешься в лес ошибок, неверных толкований, путаницы и бессодержательных рассуждений.

Никакого развития в творчестве Пушкина Н. Н. Арденс не замечает: один и те же проблемы решает Пушкин одними и теми же методами. Если верить ав-

Н. Н. Арденс. Драматургия и театр А. С. Пушкина. Москва, «Советский писатель», 1939, 284 стр., цена 6 р. 80 к.

тору, то Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что кого-нибудь «разоблачал», «обличал» и «развешивал». Это говорится о Пушкине, который, начиная с «Бориса Годунова», решительно отталкивался от всякого морализирования в литературе и особенно в театре. «Драматургический поэт — беспристрастный, как судья...» А по Арденсу — Пушкин в комедии об игроке стремится «развенчать мир шулеров» (вем же он был «увенчан?»), «хочет показать бездельную жизнь большого света», «Борис Годунов» сводится к «реальному обнажению «смутной» эпохи, со всеми ее парками, патриархами, монашескими и тому подобными пороками и тайными страстями»; в маленьких трагедиях Пушкин «разоблачает... пороки и заблуждения»; их тема — «разоблачение лжи и лицемерия», в «Скупом рыцаре» — «жадность и корысть», в «Моцарте и Сальери» — «пичинный эгоизм», в «Каменном госте» Пушкин «развенчивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэтики Н. Н. Арденс делает почему-то «правдоподобие»: против этого основного требования французской классической литературы Пушкин боролся в ряде статей и заметок, стараясь доказать, что «сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (т. е. стремление к натуралистической иллюзии), что от драматического писателя можно требовать только одного «правдоподобия чувствований». Это-то одиозное

и бессодержательное рассуждение, которое Пушкин «развешивает косную мораль старого набожного общества», в «Ипре во время чумы» — «бессилье и дряблость религиозного мировоззрения...», в «Русалке» происходит «развешивание образа князя», в отрывке о графине и ее любовнике «обнажаются тайны великосветского Парижа...»

Центральным понятием пушкинской драматургической поэ

ИНИЦИАТИВА КОМСОМОЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ

Творчество М. Ю. Лермонтова глубоко интернационально. Влияние великого русского поэта сильно сказалось на произведениях таких классиков литературы народов СССР, как Абай, Тукай, Иванов. Поэтому Лермонтов одинаково дорог всем народам Советского Союза. Первой обратила на это внимание своих читателей республиканская газета «Ленинск джас» (орган ЦК и Фрунзенского горкома ЛКСМ Киргизии).

«Ленинск джас» в номере от 24 сентября посвятила страничку творчеству Лермонтова. Напечатаны отрывки из романа «Герой нашего времени» в переводе Курбатова и несколько стихотворений Лермонтова в переводах Исмураева, Османова; на этой же полосе помещена статья о Лермонтове Э. Беккера.

Редакция газеты решила по юбилейным дням ознакомить киргизский народ с замечательными образцами творчества великого поэта. Инициатива «Ленинск джас» полезна и ценна. Киргизский народ впервые получает возможность читать на родном языке Лермонтова. Однако редакция допущена некоторые неточности. Например, «Герой нашего времени» почему-то переводится во множественном числе «Герои нашего времени». В статье Э. Беккера убита Лермонтова — Мартынов назван другом поэта.

Мы надеемся, что редакция не ограничится одной полосой к юбилейным дням, еще шире осветит творчество Лермонтова.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭТА

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). К Лермонтовскому юбилею Ленинослит выпускает полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова в 4 тома. Вступительная статья и комментарии написаны проф. Б. М. Эйхенбаумом.

Новое издание Лермонтова — полное. Первый и второй томы сейчас печатаются и в ближайшее время будут закончены подписчиками. Два последних тома выйдут в свет в начале 1940 года. Любопытно, что в магазине периодических изданий Ленгиза в течение 30 минут была принята подписка на 100 экземпляров собрания сочинений Лермонтова.

ВТО В ЛЕРМОНТОВСКИЕ ДНИ

Всероссийское театральное общество в дни лермонтовского юбилея организует специальную декаду, посвященную творчеству М. Ю. Лермонтова. В кабинете русской классики будет сделан ряд научных докладов о проблемах лермонтовской драматургии (например: «Лермонтов и русский драматический театр», «Образ Арбутина и история его сценических трактовок»).

В Большом зале состоится торжественный вечер. После доклада о творчестве Лермонтова артисты московских и ленинградских театров выступят с чтением стихотворений, отрывков из пьес, исполнением арий и романсов на лермонтовские темы и тексты. Будет устроен вечер опер Лермонтова. Музыкально-литературный ансамбль под руководством К. Попова исполнит оперу ростовского композитора Аскова «Валид» и ораторию «Купец Калашников».

Ленинградский драматический театр им. Пушкина покажет в Доме актёра отрывки из пьес Лермонтова «Маскарад».

Кабинет русской классики из группы лермонтоведов организует коллектив лекторов. На периферии рассылается тезисы докладов, посвященных Лермонтову, и методические письма для организации юбилейных вечеров в театрах.

Всероссийское театральное общество объявило конкурс на лучшее исполнение произведения М. Ю. Лермонтова. Конкурс начинается 6 октября и продлится месяц. Для участия в конкурсе организуются консультационные режиссеры и литературоведы. Председатель жюри конкурса — народный артист Союза ССР В. И. Качалов.

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ НА ПРИЗЫВНЫХ ПУНКТАХ

Сектор пропаганды художественной литературы ССР обратился к писателям и поэтам с предложением выступать на призывных пунктах столицы перед будущими бойцами Красной Армии.

Писатели и поэты горячо откликнулись на этот призыв. Начиная с 16 сентября, на различных призывных пунктах проводятся литературные вечера, беседы проводятся с призванными. Беседы проходят в теплой, товарищеской атмосфере.

В Московском пункте призвания, оживив своего вызова, читали газеты, книги, беседовали. Комиссар пригласил собравшихся теснее сесть в кружок у стола. Прочтали поэты В. Инбер и А. Ромм. Инбер прочел свои стихи «Нас четверо» и «Москва в Норвегии». Ромм — свой перевод стихотворения Эми Сю — «Баллада о китайском шифере».

В Ленинском призывном пункте выступил г. С. Горюнов и М. Колосов. Около двухсот призванных внимательно слушали беседу С. Горюнова о Западной Белоруссии. Страшныя о том, что представляется сейчас литература Западной Белоруссии. Горюнов рассказывал о подпольных политических журналах Белоруссии, которые там раньше издавались, читал народные частушки, песни, рассказывал украинскую белорусскую беднотой.

Дочку спрашивал отец:
Где счастье твою жизнь стала?
Дочка долго не молчала:
«Там, в советах», — отвечала.

Батля свиномуку куши,
А сынок ее кормил,
Только сала не едал:
Все помешик оторвал.

Затем Горюнов прочел переводы стихотворения П. Гюбена («К родным братьям»), П. Бровко «Родной Украине» и свое стихотворение «Встреча Красной Армии».

М. Колосов прочел рассказ «Десять верст».

Поэты Я. Смеляков и Д. Алтауев читали призванным Краснопресненского пункта стихотворения о Белоруссии и Украине. А. Коваленков провёл товарищескую беседу с призванными Трехгорной мануфактуры.

Призванные Фрунзенского района собрались на выставку «Индустрия социализма». Они дружно приветствовали Л. Аргунтскую, которая рассказывала им эпизоды гражданской войны на Кавказе в 1919 году.

Во встречах с призванными принимают также участие писатели и поэты: В. Аврущенко, Р. Азарх, Л. Соболев, В. Ардов, Д. Кедрич, С. Васильев, П. Маркин, В. Финк, И. Молчанов, Л. Длугач, С. Болотин, В. Герасимова, П. Желенов, Э. Чаяла, Л. Касиль, Л. Пенковский, Ш. Сослани, А. Адалис, И. Чичеров и другие.

ПРОПАГАНДА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ

Управление Всесоюзной сельскохозяйственной выставки готовится к встрече сезона 1940 года.

Исключительные успехи сельского хозяйства в нашей стране отразились в многочисленных экспонатах, представленных на выставке. Однако обилие этих экспонатов и большое время, требующееся для подробного ознакомления с ними, не дают возможности посетителю глубоко изучить интересующие его вопросы. Здесь огромная роль принадлежит пропаганде, в частности, печатному слову, книгам об отдельных павильонах, об экспонатах и достижениях колхозного строя.

Рассказать об этом увлекательно, только — и есть основная задача управления пропаганды Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Между тем до сих пор почти вся выпущенная литература о выставке отличалась сухостью и скукой.

На это указывали писатели и в этом огласились работники управления ВСХВ на совместном совещании, организованном бюро национальных комиссий при ССР 3 октября 1939 г.

Писатели П. Слетов, Г. Финк, В. Финк, Л. Пасныков, Г. Санников и другие рассказали о темах, их волнующих, о тех творческих возможностях, которые открывают перед ними выставка.

После обмена мнениями было решено создать комиссию в составе В. Финка, Г. Финка, Н. Чертовой, Л. Пасныкова, В. Попова, П. Слетьова и Г. Санникова, которая тотчас же приступит к работе по отбору тем и привлечению писателей к их разработке.

ИНТЕРЕСНАЯ ВЫСТАВКА

От нашего специального корреспондента

В Киеве, в библиотеке Академии наук УССР, открыта выставка, посвященная Западной Украине и Западной Белоруссии.

Первый раздел выставки — история, начиная с древнейших времен. Здесь большое внимание уделено борьбе западноукраинского и белорусского народов с польской Польшей. В частности, представлены основные летописи о периоде освобождения борьбы, возглавляемой Богданом Хмельницким.

Осмотрев витрину географии, этнографии и геологии, посетители переходят к экспонатам, демонстрирующим ценнейшие материалы по истории западноукраинской литературы: книги, рукописи, автографы.

Наиболее полно представлены 30—40 гг. XIX столетия. Мы видим книги Я. Голубовича, М. Шапкевича, П. Вагльевича, М. Устияновича и крупнейшего представителя этого периода, поэта, прозаика и драматурга Юрия Федьковича.

Перед нами один из первых западноукраинских альманахов «Русалка Днестрова» (1837 г.), в котором печатались, главным образом, народные украинские песни, думы и лумки, обрядовые песни, колядки, загадки, сказки. Но в этом же альманахе публиковались и переводы, например, серьезных народных песен и так называемой «Кравальской рукописи».

Рядом с альманахом — один из ранних журналов Западной Украины — «Зоря Галицка», начавший выходить в 1848 г.

Специальная витрина посвящена замечательному революционному поэту и писателю Ивану Франко. Здесь собраны первые издания его книг: рассказы «Борислав» (издание 1877 г.), крупнейшее прозаическое произведение Франко — повесть «Воя Констриктор» (1884 г.), издававшаяся во Львове альманах «Лавин» («Колокол»), в котором в 1878 г. впервые напечатан «Воя Констриктор» («Лавин»). Здесь же выставлен львовский журнал «Світ» за 1881 г., где впервые напечатана повесть Франко из жизни нефтяных промыслов в Галиции «Борислав смеется».

В рукописном разделе выставки помещены подлинные автографы Франко: тол-

стая общая тетрадь черновиков стихотворений и заметок на самые разнообразные темы; несколько листов большого формата о западноукраинской литературе XVII—XVIII столетий (подготовительные заметки Франко к большой исследовательской работе), статья «По поводу «Очерка истории украинско-русской литературы» (ответ Франко своему рецензенту).

Хорошо представлено на выставке народное творчество Западной Украины и Западной Белоруссии: сборники украинских и белорусских народных песен, сказок, загадок, пословиц, в том числе замечательный сборник украинских песен, собранный Голубовичем, белорусский «Сборник памятных народных творчество в Северо-Западном крае», выпуск первый, изданный в 1866 г. в Вильно, крупнейшее исследование И. Франко в области народной песни, в частности, о характерной для народного песенного творчества Западной Украины — «колодийка», приближающейся по жанру к русской частушке.

В разделе искусства собраны образцы орнаментов и материалы по старой западноукраинской архитектуре. А в музыкальном — записи народных мелодий и ноты положенных на музыку украинских и белорусских народных песен.

Интересна витрина «Памятник письменности». Здесь мы найдем рукописный отрывок из «Апостола» (XII столетия), написанный языком, близким к русскому. Здесь же — образцы рукописей XV столетия — «Чети-Миней», так называемая «Львовская летопись», начатая в XV столетии, два сборника рукописных записей западноукраинских песен первой половины XVIII столетия, рукописный сборник «Галицко-русские колядки, собранные И. Вагльевичем» — записки произведены в середине XIX столетия.

На выставке представлены первые западноукраинские печатные книги: «Апостол», напечатанный в 1574 г. во Львове первым московским книгопечатником Иваном Федоровым и им же напечатанная в 1581 г. в Остроге (на Волыни) Библия.

Ин. Кротова

Витрина «Памятник письменности» — это не только памятник, но и учебник. Здесь мы найдем рукописный отрывок из «Апостола» (XII столетия), написанный языком, близким к русскому. Здесь же — образцы рукописей XV столетия — «Чети-Миней», так называемая «Львовская летопись», начатая в XV столетии, два сборника рукописных записей западноукраинских песен первой половины XVIII столетия, рукописный сборник «Галицко-русские колядки, собранные И. Вагльевичем» — записки произведены в середине XIX столетия.

На выставке представлены первые западноукраинские печатные книги: «Апостол», напечатанный в 1574 г. во Львове первым московским книгопечатником Иваном Федоровым и им же напечатанная в 1581 г. в Остроге (на Волыни) Библия.

К 80-летию со дня рождения Коста Хетагурова

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Ленинградском отделении Союза советских писателей под председательством Николая Тихонова состоялось первое заседание юбилейного комитета по проведению 80-летия со дня рождения Коста Хетагурова. В составленном в Ленинграде юбилейный комитет вошли Н. Тихонов (председатель), А. Прокофьев, М. Золотенко, В. Саптон, М. Фомин, В. Рождественский, В. Азаров, С. Пасныков, Л. Попова, директор Института литературы Академии наук СССР П. Лебедев-Полянский, проф. С. Неаков (Академия художеств), скульптор Мангизер, художник Перовская, Кибрик и Самохвалов, композитор Томашкин, тт. Абай и А. Хетагуров, представители печати.

Все ленинградские журналы печатают статьи о жизни и творчестве Коста Хетагурова, стихи в переводах ленинградских

поэтов, а также стихи, написанные Хетагуровым на русском языке. В юбилейный день будет проведен большой вечер. Вступительное слово скажет Ник. Тихонов. Ряд докладов посвящается творчеству Коста Хетагурова как художника и театрального деятеля. В художественную часть включаются отрывки из драматических и музыкальных произведений поэта.

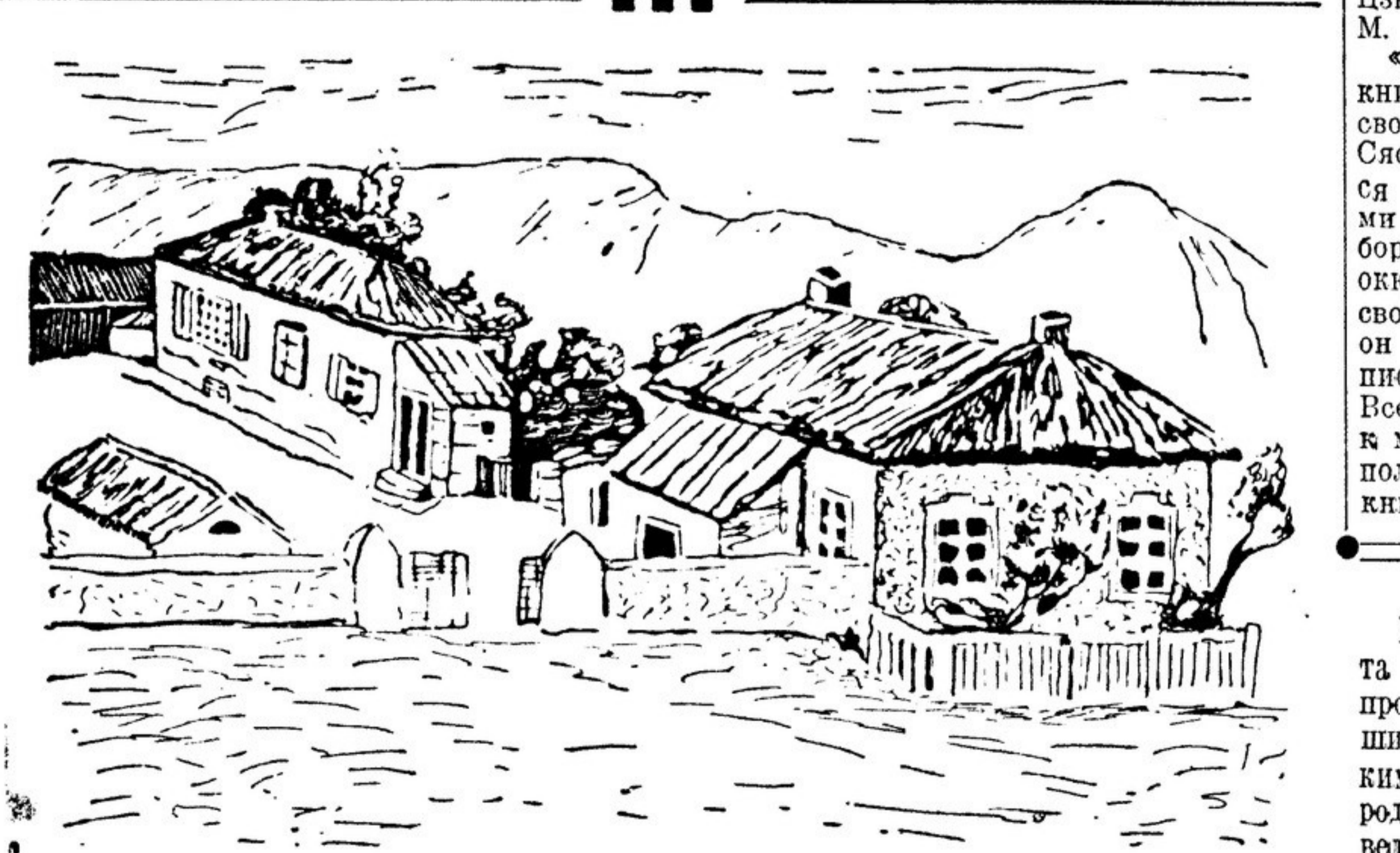
Государственная орденосная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина устраивает выставку памяти Коста Хетагурова.

Юбилейный комитет решил обратиться в Ленинградский совет с просьбой назвать именем Коста Хетагурова улицу, на которой жил в Петербурге народный сатирический поэт. На доме, где жил Хетагуров, решено установить мемориальную доску.

Изучают военные дисциплины

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Дом писателя им. Маяковского организовал для ленинградских писателей краткосрочный семинар по изучению военных дисциплин. В программе семинара цикл теоретических лек-

ций и практические занятия (топография и маскировка, связь, изучение оружия). Лекции и занятия будут проводить командиры и политработники Ленинградского военного округа.

«Домик Лермонтова». Рисунок неизвестного автора (1841 г.).

казского Горного общества, влачил жалкое существование. И, в сущности, история музея «Домик Лермонтова» начинается с советского времени.

В музее постепенно организовался коллектив сотрудников-энтузиастов, и дело было поставлено наконец на научную почву. Но музей был беден. Вся обстановка, бывшая в домике во времена Лермонтова еще в старые годы, куда-то исчезла. Музейную экспозицию приходилось строить заново, обращаться к помощи научных организаций и музеев Москвы в Ленинграда. Нельзя сказать, чтобы помощь была очень действенной. Однако в этом году музею удалось развернуть культурно-научную экспозицию, которая отражает жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Специальный раздел посвящен детству и юности поэта.

В разделе «Политические произведения Лермонтова» представлен редкий экземпляр книги Рылеова. Здесь же рукописный список этого произведения, столь широко распространенного в студенческие годы Лермонтова.

Богато представлен кавказский период жизни — первая и вторая ссылки.

Музей уделял особое внимание таким произведениям Лермонтова, которые связаны с его мыслями о родине и о народе. Стихотворение «Бородино» иллюстрируется редкими гравюрами и любительскими картинками времен Отечественной войны. Широко представлены материалы, рисующие творческую историю «Песни про купца Калашникова».

Красочно показаны эпоха и «водное общество» кавказских Минеральных вод, современная поэту история самого домика. Музей непрерывно пополняет свои коллекции. На очереди открытие новых отделов: «Лермонтов и цензура», «Писатели и критики о Лермонтове». Музеем собрана богатая библиотека.

Но музей не ограничивается работой в своих стенах. Организованы выезды на фабрики, в колхозы, в санатории. Передвижные выставки, которые музей устроил из запасных фондов, пользуются огромным вниманием.

Красивым издательством выпущена книга директора музея Е. И. Яковлевой «По лермонтовским местам». Книга эта является первой попыткой дать сводный справочный материал по тем местам, которые связаны на Минеральных водах с именем Лермонтова.

Музеем подготовлены к печати: биография поэта — М. Николаевой; «История гильды М. Ю. Лермонтова» — А. Новикова и ряд других исследований. Научный коллектив сотрудников музея работает над тем, чтобы в будущем году выпустить книгу «Лермонтовские места». Книга эта является первой попыткой дать сводный справочный материал по тем местам, которые связаны на Минеральных водах с именем Лермонтова.

Музеем подготовлены к печати: биография поэта — М. Николаевой; «История гильды М. Ю. Лермонтова» — А. Новикова и ряд других исследований. Научный коллектив сотрудников музея работает над тем, чтобы в будущем году выпустить книгу «Лермонтовские места». Книга эта является первой попыткой дать сводный справочный материал по тем местам, которые связаны на Минеральных водах с именем Лермонтова.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

ОЛОНХО
(«Социалистическая Якутия»)

В течение многих веков создавалось олонхо — эпическое сказание народов Севера. Сейчас насчитывается уже десятки вариантов эпоса. Их языковое, образное и сюжетное сходство наводит якутских писателей и сотрудников Института языка и культуры на мысль создать сводный текст якутского эпоса. Писатель С. Кулачиков-Эллий и А. Кудрин-Абачинский опубликовали предложение об этом в газете «Социалистическая Якутия».

Примеры «Калевалы» и «Давида Саулского» показывают, насколько благодарным может стать такой труд. Инициатива якутских писателей должна заинтересовать президиум ССР и руководящие якутские организации.

ИДУКАЯ И МУРАДЫМ («Красная Башкирия»)

Памятник борьбы башкирского народа за свое освобождение от власти Золотой Орды осталось сказание об Идукая и Муралыме, значительное не только по своей глубине народной поэтичности. Быт и культура башкирского народа находят в героическом эпосе своего исторического свидетеля.

Понятие непонятна судьба этого народного сказания. Запись эпоса была начата еще в XIX веке, но в Башкирском научно-исследовательском институте языка и литературы до сих пор нет полного текста эпоса и подобран лишь один его сокращенный вариант.

Вариант этот короткий, всего два печатных листа — семьсот пятьдесят строк стихов и несколько страниц прозаического изложения сказа. Но до сих пор даже этот текст никто не опубликовал.

Мы разделяем недоумение редакции «Красной Башкирии» по поводу непонятности пренебрежительного отношения союза писателей Башкирии и руководящих организаций республики к народному героическому эпосу.

УРАЛЬСКИЕ ПРЕДАНИЯ («Челябинский рабочий»)

Областная газета печатает уральские предания — сказы («О Петре первом», «Как баба Наполеона прогнала», «Про Степана Тимофеевича»). Сказы эти записаны в области «от стариков» и представляют большой интерес.

Красивое начало. Первичное помещение в областной и районной печати оригинальных «сказок» устного народного творчества поможет полнее и глубже изучить его богатства и поощрит собирателей фольклора.

В МОСКОВСКОМ КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Десять дней назад, после летнего перерыва, вновь открылся Московский клуб писателей. Возобновляются декадники секции ССР СССР, уточняется календарный план работы.

В течение ближайшей декады в клубе состоится несколько интересных вечеров. Один из них посвящается встрече с журналистом Р. Кармен, который поделится впечатлениями о пребывании в Китае.

7 октября в клубе доклад Феликса Юона на тему «Польша и национальный вопрос».

Сегодня в клубе — концерт из произведений Чайковского.

«ДЕРЕВНЯ В АВГУСТЕ»

В Ленинослитате вышла в свет книга молодого китайского писателя Тянь Цзюнь — «Деревня в августе» (перевод М. Жданова).

«Деревня в августе» — одна из лучших книг о борьбе китайского народа за свою свободу, — пишет в предисловии Эми Сю. — Автор книги Тянь Цзюнь родился в Маньчжурии. После захвата японцами его родины Тянь Цзюнь включился в борьбу своих соотечественников против оккупантов. Когда Тянь Цзюнь написал свою первую книгу «Деревня в августе», он послал рукопись великому китайскому писателю (ныне покойному) Лу Синю. Всегда чутко и заботливо относившийся к молодым писателям, Лу Синь дал о ней положительный отзыв и рекомендовал книгу к изданию.

Группа студентов Одесского университета оставила запись: «Входя в этот дом, проникнешься таким чувством, будто дышишь одним воздухом с тем, кто был таким гениальным выразителем русской народной души. Вспоминаешь все те произведения, которые с таким восторгом читались и перечитывались, и здесь, в музее, как бы видишь ту обстановку, в которой они создавались. Паркетное самодержавие не могло сохранить Лермонтова, но он навсегда остался дорог для нас».

Профессор Московской консерватории — арфистка Эрделии пишет о глубоком волнении, охватившем ее, когда она вошла в комнаты, где пролегли последние дни жизни народного поэта.

Школьники Ленинграда благодарят за то, что им была дана возможность осмотреть «этот замечательный памятник эпохи».

«Здесь как бы ошущаешь живого Лермонтова, видишь, какая это была богатая творческая натура», — записали экскурсанты из Украины.

Студент Ташкентского сельскохозяйственного института т. Коновалов «даже стремился побывать в Пятигорске, увидеть Кавказ, вдохновлявший Лермонтова... «Лермонтов дорог мне, — пишет он, — как поэт смелый, правдивый, глубоко идейный».

У коллектива сотрудников музея большие новые планы: они мечтают о том, чтобы вернуть богатые коллекции в новом специально выстроенном здании. Тогда «Домик Лермонтова» станет мемориальным. В сущности, это необходимо, чтобы избежать ветхого, изношенного здания.

Об этом обязаны позаботиться местные власти, — записал свое пожелание посетивший домик Лермонтова директор Литературного музея В. Бонч-Бруевич.

Думается, что на помощь Лермонтовскому музею в Пятигорске должны прийти и всевозможные организации.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ

На освобожденной сейчас Красной Армией земле Западной Украины 20 лет тому назад погиб сраженный пулей белополяков один из славных бойцов Шюра и замечательный еврейский поэт Ошер Шварцман.

И естественно, сообразившись 3 октября в Доме поэтов на вечер, посвященный памяти поэта, связывали воспоминания о его прекрасной жизни и героической гибели с освобождением Западной Украины и Западной Белоруссии.

Ирскую характеристику О. Шварцмана как поэта, гражданина и горячего патриота своей социалистической родины дал П. Маршак.

И. Добрушин, подробно анализируя поэзию О. Шварцмана, показал все их живое значение для советской еврейской поэзии. М. Даниэль указал, что О. Шварцман, подобно В. Маяковскому, еще в годы империалистической войны предвидел приход социалистической революции.

С личным воспоминанием о поэте, о его месте среди еврейской писательской молодежи в предвоенные годы выступил Д. Бергelson.

Л. Квитко прочитал отрывок из поэмы «Возвращение», посвященной О. Шварцману. А. Кушниров прочитал стихотворение, озаглавленное именем поэта, и другое — «На освобожденной земле», посвященное вступлению Красной Армии в пределы Западной Белоруссии и Западной Украины. На ту же тему прочитал стихотворение С. Галкин. С. Росин читал стихи на смерть поэта.

Заключительным словом, посвященным жизни и творчеству О. Шварцмана, выступила А. Гурштейн.

В президиуме торжественного заседания, посвященного памяти О. Шварцмана, находились жена и сын поэта, которых тепло приветствовало собрание.

ПЕСА О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

К 50-летию со дня смерти великого русского писателя и революционера-демократа Н. Г. Чернышевского саратовский областной драматический театр им. Карла Маркса готовит пьесу саратовских драматургов В. Смирнова-Ульяновского и Б. Найхана — «Чернышевский».

Действие пьесы происходит в Петербурге в 1861—64 гг. и в Сибири.

Пьеса показывает Чернышевского в редакции журнала «Современник», в семье, в окружении революционеров того времени: Серяковского, Н. Серно-Соловьевича, Спенцова и других, пребывание Чернышевского в Петропавловской крепости, провокация агента III отделения Костомарова и лжесвидетеля Яковлева, очную ставку Чернышевского с ними, гражданскую казнь и пребывание писателя-революционера в Вильюске.

Ставит пьесу режиссер В. А. Дарвинцев, художник — Е. К. Шаблюнский, композитор — Г. К. Ершов. Роль Чернышевского готовит народный артист РСФСР И. Слонов и артист С. Брейский.

Пьеса ставится при непосредственной консультации внучки Н. Г. Чернышевского, заведующей музеем его имени — Нины Михайловны Чернышевской.

СКОНЧАЛСЯ Л. Д. БЛОК

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Ленинграде скончался вдова Александра Блока — Л. Д. Блок (дочь гениального русского ученого Д. И. Менделеева). У Л. Д. Блок до последних дней хранились рукописи и другие материалы, связанные с творчеством крупнейшего русского поэта.

Для принятия этого богатейшего литературного наследства А. Блока президиум ленинградского отделения Союза писателей создал особую комиссию, в которую вошли В. Н. Орлов, проф. В. В. Гиппиус, А. Г. Островский, Дм. Цензор и Юр. Слонимский.

ХРОНИКА

* Воронежское отделение Союза советских писателей организовало в дни призыва в ряды РККА и Военно-Морского Флота ряд встреч призванных города с писателями. С призванными встретились писатели М. Сергиенко, М. Амстетов, С. Данилов, В. Петров, В. Дьянов.

* Марийский драматург С. Николаев написал пьесу «Вудшо йста» («Воды текут»). Пьеса показывает революционное восстание бурлаков против лесопромышленников в 1905—06 гг. Пьеса богата фольклорным материалом.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ
ул. Горького, 13. Тел. К 1-28-32.

ПОКУПАЕТ КНИГИ
РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ;
художественную литературу,
по искусству, театру и пр.
Для осмотра домашних библиотек
в выходные дни с 10 до 18 часов.

ЛИТФОНД СССР
ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ,
ЧТО ДОМА ТВОРЧЕСТВА
им. СЕРАФИМОВИЧА
ПОД МОСКВОЙ И В ЯЛТЕ
ПРОДОЛЖАЮТ
Нормально функционируют
ПУТЕВКИ ПРЕДОСТАВЛЯЮТСЯ
НА ОБЫЧНЫХ УСЛОВИЯХ
Сан. леч. отд.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Изд-ва
«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
Купеческий пер. 18.
Тел. К 4-28-20.

ПОКУПАЕТ
Сочинения ЛЕНИНА — СТАЛИНА
художественную литературу
в СТАРЫХ и НОВЫХ изданиях — ВО ВСЕХ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ в ПЕРИОДИЧНОМ
ИЗДАНИИ.

Для осмотра домашних библиотек
выползает товароведа.